
Лин Морс
Обсидиановое Сердце
Фламтари
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Лин Морс
Обсидиановое сердце

https://litres.ru/74826187
SelfPub; 2026

Аннотация

Мори — студентка, мечтающая о настоящих приключениях и захватывающих историях. Её шанс — стажировка журналиста в Новой Гвинее. Но судьба готовит иной маршрут: посреди океана самолёт попадает в загадочный шторм и падает в морскую бездну. Очнувшись на незнакомом берегу, Мори понимает — она больше не в своём мире.

В королевстве Лордос её принимают за создание из легенд и увозят в замок короля Эдвина Миролюбивого. Здесь магия — не сказка, а некроманты ведут тайную войну с белыми магами. Девушка оказывается в эпицентре интриг, вынуждена лавировать между чужими интересами, разбираться в древних тайнах и делать мучительный выбор в любовном треугольнике.

Её главная цель — вернуться домой. Но чем глубже она погружается в тайны королевства, тем яснее: путь назад может стоить ей всего, что она любит. Сможет ли Мори сохранить себя в чужом жестоком мире и не потерять сердце в игре, где ставки выше жизни?

Содержание

Дисклеймер	4
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	64
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Лин Морс
Обсидиановое сердце

Дисклеймер

Все персонажи, локации и события, описанные в этой истории, являются плодом авторского воображения. Мир королевства Лордос, материка Люместрия и прочие элементы сеттинга вымышлены; любые совпадения с реальными людьми, местами или культурами — исключительно случайны.

Пролог

Скрижаль жизни — не просто огромный камень, возвышающийся до небес. Это завет нашего первого короля, Туэйна Великого, выгравированный им до начала войны между некромантами и белыми магами. Уже много веков народ Лордоса живет по правилам Скрижали жизни, боясь разгневать дух Туэйна Великого и его потомков, правящих нашей страной после его смерти.

Слова, выгравированные на Скрижали жизни, были переписаны на пергамент и переведены на языки народов: Танкуаэй , Мириссил и Панвер . Однако завет не был переведен на язык народа Абиссум . Это вызвало их гнев, и они объявили войну королю Туэйну Великому и его наследникам, которая длилась семьсот лет.

СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Панвер
КОРОЛЕВСТВО
Залив
Ледяных Ветров
Эльдар
Абиссум
КОРОЛЕВСТВО
Фросток
Соль
Мириссил
КОРОЛЕВСТВО
Аэдон
Лордос
КОРОЛЕВСТВО
Фульгорис
ЗАПАДНЫЙ
ОКЕАН
Гриффон
Кобальт
Восточное
море
Танкуаэй
КОРОЛЕВСТВО
N
W
E
S
БЕЗМОЛВНЫЙ
ОКЕАН
Люместрия
ВОЛШЕБНЫЙ МАТЕРИК

Глава 1

От корпуса моего общежития до кофейни, где по утрам готовят изумительный скрэмбл и свежесваренный чёрный кофе, ровно три тысячи пятьсот семьдесят пять шагов для девушки моего роста, выше среднего. С детства у меня сформировалась привычка измерять расстояние в шагах. Не уверена, можно ли это назвать психологическим отклонением, но подсчет шагов всегда помогает мне успокоиться, как, например, сейчас, перед важной встречей с деканом и куратором моей научной работы.

Выбрать журналистику было не совсем моим решением, скорее, это компромисс между мной и родителями. Папа грезил, чтобы я пошла учиться на юридический факультет, мама же вообще пыталась соблазнить меня пойти изучать историю. Не то чтобы мне не нравилась история, но мысль о том, чтобы связать свою жизнь с этой профессией, казалась мне нелепой, как и идея стать в будущем юристом. Но так как я не хотела огорчать родителей, выбор у меня был невелик. В итоге я остановилась на литературе, но вскоре поняла, что хочу попробовать что-то другое.

Если я хочу приносить пользу людям, тогда почему бы мне не стать врачом или полицейским? Именно это и спросили у меня на собеседовании профессора в приёмной ко-

миссии. Ответ был простой: мне слишком страшно нести ответственность за жизни людей.

Так почему бы мне не выбрать карьеру журналиста? Своим словом я могу раскрывать людям истину, к тому же эта профессия тесно связана с историей и правом. К счастью, родители поддержали мою идею.

Маленький город на юго-востоке штата Нью-Йорк имеет свои преимущества и недостатки, одним из которых является то, что все знают друг друга. Наш дом находится на окраине, откуда открывается прекрасный вид на лес. Папа предпочитает держаться особняком и не любит, когда за нашим забором появляются любопытные взгляды. Мама, напротив, всегда приветлива и рада пообщаться с соседями, пообсуждать последние новости или обменяться рецептами с другими домохозяйками. Эти разговоры часто сводятся к местным сплетням о жителях города и тех, кто его покинул. Моя семья не избежала этой участи: несколько месяцев все только и говорили о том, что я стала первой местной девушкой за последние двадцать лет, поступившей в университет.

Молодое поколение стремится уехать сразу после совершеннолетия. Обычно их путь лежит в сторону таких крупных городов, как Нью-Йорк, Бостон, Портленд. Но погоня за большой мечтой без образования всегда заканчивается тем, что все возвращаются обратно сюда и работают в центральной закусочной, больнице или продолжают вести семейный бизнес маленьких магазинчиков. Еще есть работа на лесо-

пилке, но не каждый родитель готов отправить своего ребенка на такую опасную и тяжелую работу.

То, что я смогла поступить и получить стипендию, никак не есть настоящее чудо. Я смирилась с тем, что жизнь не спускает мне и моей семье с неба все привилегии этого мира. Если хочешь что-то получить, придется усердно поработать — вот он, девиз моего папы, моей семьи. Но тут действительно было везение, иначе как еще объяснить письмо о моем зачислении?! В нашей школе мой балл считается высоким, но по сравнению со студентами из крупных городов я, конечно, уступаю им.

Инициатива подавать документы в престижные университеты исходила от мамы. «Мори, нужно взять от жизни всё, что только можно», — такие слова я не ожидала услышать от своей скромной и заботливой мамы. Наша семья в городе среднего достатка: мы не бедствуем, но и не можем позволить себе роскошь. Если бы не моя стипендия, родители никогда не смогли бы оплатить моё обучение в Колумбийском университете. Так что мне, человеку, которому обычно не везет по жизни, впервые улыбнулась удача пять лет назад.

И вот сейчас, скрестив пальцы на удачу, я надеюсь, что мне повезет еще раз и я попаду в список студентов, которые поедут в сентябре на целый семестр в Новую Гвинею. Эта странная затея поселилась в моей голове еще с начала апреля, когда в кампусе вывесили объявление о наборе студентов для работы в крупном научном издательстве «Голден

Хоуп». Что-то всколыхнулось внутри меня, словно маленькая бабочка, полная стремления к жизни, и я отчаянно захотела попасть в этот список.

У меня отличная успеваемость, но я не участвую ни в каких университетских, как я их называю, «сборищах выскочек». Кроме своих соседок по комнате, я ни с кем близко не общаюсь, и, если быть честной, то куча студентов в одном помещении, не буду брать в счет столовую и аудитории, пугают меня. Поэтому я немного переживаю, что не попаду в список студентов или окажусь в его конце, поскольку не участвую в активной студенческой жизни.

Холодная нордическая внешность — это наследие моих предков по материнской линии. Из-за этого я всегда ощущаю себя белой вороной. Несмотря на все мои попытки оставаться в тени, моя внешность не может не привлекать внимание. Особенно это стало меня беспокоить в университете, где я получаю больше внимания, чем мне хотелось бы. Поэтому вместо участия в студенческих собраниях, факультативах и вечеринках я предпочитаю проводить время в комнате с книгами, фильмами и пачкой сырных кукурузных шариков.

В мае я встретилась с деканом и с радостью узнала, что у меня есть возможность поехать в Новую Гвинею. Мне сразу же определили куратора с последнего курса магистратуры, который также был лаборантом на нашей кафедре — Саймона. В течение трёх месяцев мы работали над проектом для

университетской комиссии.

И сегодня тот самый день, когда я узнаю результаты.

— Доброе утро, Мори! — Саймон окликнул меня, как только я переступила порог студенческого кафе. — Присаживайся!

— Доброе утро, — тяжело дыша, я опускаюсь на стул напротив него. — Давно ждёшь?

— Только пришёл, — врет мой куратор. Пенка на его капучино уже заметно подтаяла. — Как дела? Как настроение?

Саймон неплохой парень, правда. Ему бы только почаще мыть голову. Но кто я такая, чтобы судить о людях по их внешнему виду!

— Волнуюсь, — призналась я, беря в руки меню.

— Твоя работа отличная, — ухмыляется он и прядь челки падает ему на глаза. — Уверен, что декан придёт с хорошими новостями. Иначе он бы просто отправил тебе отказ по электронной почте. Я хорошо знаю миссис Лоуренс и её методы ведения переговоров.

— Надеюсь, — ответила я, не отрывая взгляда от меню.

— Я не спрашивал, но позволь удовлетворить моё любопытство: зачем тебе эта поездка? Одно дело съездить в крупный город, посмотреть достопримечательности, например, в Европу. Но лететь в какое-то далёкое, дикое место... Не боишься, что пожалеешь о своём решении?

— И это говорит мой куратор, с которым мы ночи напролёт доводили презентацию до совершенства? — я подняла

левую бровь, выглядывая из-за меню. — Просто чувствую, что мне нужно туда поехать.

— Чувствуешь?

— Да! Ну вот знаешь есть такое чувство… когда понимаешь, что это именно то, что тебе нужно...

— Знаю, — кивает в ответ Саймон, и в линзах его очков отражаются солнечные лучи.

— Ну вот, это именно то, что я ощущаю. Я знаю, что должна поехать туда...

— Уже выбрали, что будете заказывать? — перебивает меня молодая официантка, вероятно, студентка-первокурсница. Я тоже подрабатывала здесь в первые два года своей учебы.

— Айс-американо, пожалуйста, — наблюдаю, как девушка печатает в планшете, стуча длинными ногтями, покрытыми алым лаком и стразами, по экрану.

— Что-нибудь ещё?

— Нет, спасибо, — я улыбнулась ей и снова переключилась на Саймона. — Так вот, я уже всё разузнала об этой стране и даже сделала прививки, чтобы не подхватить местные болезни. Поверь мне, я готова лететь туда. Если, конечно, меня возьмут.

— Странная ты, — Саймон сделал большой глоток остывшего кофе. — Не подумай, что я хочу тебя обидеть. Просто ты хочешь поехать туда по своей воле. Большинство кандидатов летят туда только чтобы закрыть свои академические

долги и получить диплом. Кстати, я тут кое-что разузнал...

Странная. Я не в первый раз слышу это слово в свой адрес. И, конечно же, я не обижаюсь. Я приняла тот факт, что не все меня понимают. Если бы лет десять назад мне сказали такое, я, возможно, расстроилась бы, погрузилась в уныние и занялась бы самокопанием. Но сегодня я воспринимаю это как комплимент. За годы обучения я усвоила важный урок: иметь свое мнение, даже если оно не совпадает с общепринятым, — это ценное качество для настоящего журналиста.

— Смотри, — Саймон протянул мне свой телефон. — Я изучил сайт «Голден Хоуп» и их прошлые практики со студентами. Если вкратце, то они просто дадут тебе возможность общаться с местными жителями от их имени. На этом всё. Твоя статья будет их собственностью, а за билеты и проживание ты будешь платить самостоятельно. Наш университет предлагает и более комфортные варианты. Ты уверена на все сто процентов?

— Да, — я быстро взглянула на экран телефона Саймона, задержав взгляд на живописных пейзажах Новой Гвинеи. — Я уже всё решила.

На первом и втором курсах я подрабатывала официанткой в этом кафе, а в этом году устроилась на полставки в небольшую газетную типографию. Работа была скучной: разбирать входящую корреспонденцию, следить за наличием канцелярских принадлежностей и выполнять поручения главного редактора. Еще каждое лето я помогаю миссис Рольф в ее

книжном магазине в своем родном городе. Так что мне удалось отложить деньги на «черный день» или, как я его называю, на «большую мечту». Поэтому я с удовольствием потрачу свои сбережения на билеты и проживание.

— Тогда больше не буду поднимать эту тему, — Саймон поднял ладони, признавая свое поражение.

Кафе наполнилось шумом и людьми. Студенты пришли за крепким кофе, чтобы избавиться от головной боли после бурной вечеринки в доме мужского братства. Наши спортсмены каждый год устраивают такие мероприятия, где алкоголь льётся рекой, а девушки готовы снять с себя всю одежду и свои трусики, чтобы оказаться в постели с легендой университета, не забыв выложить фото в социальных сетях.

Рита и Элис наверняка тоже прожигали эту ночь по полной программе. Я еще не видела их с тех пор, как вернулась в общежитие. Мне не одиноко и уж точно не страшно ночевать одной в нашей комнате, но я соскучилась по девочкам, без них наша маленькая комната кажется мне слишком большой и пустой.

Рита — просто неутомимая болтушка! Я уже настроилась на бесконечные истории о её лете и о том, сколько парней она оседлала, то есть покорила. Мы с Элис, как обычно, будем внимать ей с восхищением, то и дело разражаясь громким истеричным смехом.

— Ваш кофе, — официантка ставит передо мной большой стакан с черным крепким кофе. В нём плавают кубики льда,

которые постукивают о стенки.

Я не могу не заметить, как её взгляд устремляется к входной двери и зрачки расширяются. Это обычная реакция на легенд университета.

В кафе входит высокий молодой человек ростом примерно шесть футов и семь дюймов. Он одет в футбольную форму университетской команды. Парень заполняет собой всё пространство, и кажется, что в кафе становится еще жарче, а воздух будто испаряется. Только вот стоило мне увидеть его, как по коже пробежал колючий озноб — и дело тут вовсе не в ледяном айс-американо, который я держу в руке.

— Ну началось, — шепчу я, подвигая стакан ближе к себе.

Все присутствующие поворачивают головы в сторону Нолана Ривера — капитана нашей футбольной команды, настоящего красавчика и кумира большинства девушек университета.

В помещении наступает абсолютная тишина, прерываемая лишь звучанием новой музыкальной композиции из настенной колонки.

Нолан заходит внутрь, его идеальная белоснежная улыбка, которая, вероятно, обошлась ему в круглую сумму, вызывает волну девичьих вздохов и шёпота.

Стоит отметить, что, несмотря на свой высокий рост и широкие плечи, Нолан обладает грациозностью, он вполне мог бы заняться модельным бизнесом в будущем, если его спортивная карьера не сложится. Следом два его верных то-

варища по команде, Аарик и Джексон, врываются в кафе, словно дикие мустанги. Оба помятые, с мешками под глазами и, скорее всего, с невыветрившимся запахом алкоголя.

И если бы не моя курсовая работа в прошлом году, то я знать бы не знала про этих парней и то, чем они занимаются. Я не большой поклонник футбола и вообще тех видов спорта, в которых напряжение и адреналин граничат с насилием и грубостью. К сожалению, я очень сильно старалась сделать свою работу идеально, что подошла слишком близко к нашей футбольной команде, за что поплатилась сполна. Какой смысл терзать себя этими мыслями — прошлое не вернуть, сколько ни оглядывайся назад.

— Кажется, миссис Лоуренс задерживается, — я пытаюсь перевести разговор на тему нашей работы, возвращая телефон Саймону. — Как-то здесь стало шумно, не находишь?

Но Саймон будто потерял дар речи. Он не отрывает взгляда от трёх крупных спортсменов, которые бесцеремонно флиртуют со студенткой за кассой.

— Приём! — я щёлкаю пальцами перед его лицом. — Земля вызывает Саймона!

— А? Прости, — наконец, он возвращается к реальности. — Терпеть не могу этих болванов.

— Не ты один, — киваю я, с удовольствием делая глоток холодного крепкого кофе и закрываю глаза.

— Да ладно тебе, — с досадой говорит он. — Только посмотри на всех девушек здесь. Стоит им моргнуть, и они пой-

дут за этими красавчиками на край света.

— Я нет, — с гордостью отвечаю я. — Меня одним подмигиванием на край света не затащить. Да и вообще, расслабься, они скоро уйдут. Просто пришли за кофе. Слышала вчерашняя вечеринка удалась. Теперь весь месяц только и будут говорить об этом.

Если приглядеться, то у всех троих помятый вид. Видимо, на них хорошо сказалась бессонная ночь. Сколько часов они спали? Два? Три? Может, и вообще не ложились. Этих футболистов заботят только две вещи: спорт и секс. Если их нынешнее состояние не повлияет на тренировки и результаты игры, то и беспокоиться об этом не нужно. И раз уж их это не заботит, то почему я вообще об этом думаю?

— Смотрите, кто здесь!

Мои аргументы потеряли силу, когда Нолан, отошедший от стойки, направился прямо к нашему столику.

— Сальный и... — его тёмные глаза впились в меня. Я буквально услышала, как в его голове заскрипели шестерёнки. — Мэри!

— Мори, — поправила я самодовольного кретина.

— Точно, Мори, — футболист пододвинул стул с соседнего столика и без разрешения подсел к нам, закинув ногу на ногу. — И что же... Мори делает здесь таким прекрасным утром вместе с Сальным?

— Отвали, Ривера! Иди куда шёл, — огрызнулся Саймон, сжимая свой телефон.

— А я шёл именно к вам, — не унимается придурок. — Дай, думаю, поговорю с нашим грязным...

— Мы ждём миссис Лоуренс, и тебя не приглашали, — тихо, но с ноткой стали в голосе перебиваю я. — Так что будь добр, не порти никому это прекрасное утро и иди... дальше.

Нолан Ривера посмотрел на меня так, что внутри всё сжалось, но внешне я осталась спокойной, словно его взгляд прошёл мимо.

— На твоем месте я бы хорошо подумал, с кем проводить... прекрасное утро.

— У меня хватает мозгов решать, с кем общаться, а с кем нет, — так же колко ответила я. Этот придурок не будет указывать мне, с кем проводить время!

— Хм, — кривая усмешка озарила его квадратное лицо. — Что ж, посмотрим.

Он шумно поднялся со стула, не потрудившись поставить его на место, и направился к выходу вместе с друзьями.

— Ты его знаешь? — спросил Саймон, глядя им вслед, опасаясь, что они передумают и вернутся.

— Столкнулась с ним в прошлом году, когда брала интервью.

Мой психолог рекомендует не сосредотачиваться на неприятных воспоминаниях. Поэтому я убрала наши прошлые встречи в потаённый уголок своего сознания и постаралась забыть о них. Время не повернуть вспять, Мори. Ты уже пережила тот момент, и теперь нужно двигаться дальше.

Идти только вперед.

В кафе снова открылась дверь, и я вздрогнула, подумав, что это вернулся Нолан с друзьями. Но, к счастью, это была только миссис Лоуренс. Увидев нас, она широко улыбнулась, а моё сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Мори, Саймон, какое чудесное утро! — приветствует нас декан, изящно усаживаясь на стул, на котором минуту назад сидел Нолан. Повесив маленькую сумочку на спинку стула, миссис Лоуренс аккуратно поправила юбку и открыла меню. — Не возражаете, если я закажу себе что-нибудь освежающее? На улице такая жара, хотя еще ранний час.

— Конечно, — пискнула я, тут же прикусив губу от смущения. — Сегодня действительно очень жарко.

— О, на Лаэ еще жарче. У них сейчас как раз заканчивается сезон дождей.

Лаэ! Сердце так сильно сжалось, что стало трудно дышать.

— Мне, пожалуйста, зеленый чай со льдом и вот это аппетитное пирожное с малиной.

— Хорошо, декан Лоуренс, — принимает заказ уже другая девушка, по виду намного скромнее чем предыдущая.

Элеонор Лоуренс знают абсолютно все в университете. Если нужно составить список своих кумиров, то она определенно войдет в первую десятку. Тридцать пять лет, невысокого роста, с короткими темными густыми волосами, миссис Лоуренс никак не похожа на доктора наук, человека, защитившего пять магистерских работ, и строгого, но справедли-

вого декана. Только вот это она.

В честь ее тридцатипятилетия в прошлом году про нее вышла статья, которая красовалась не только на сайте Колумбийского, но еще в нескольких научных журналах. Когда речь заходит о науке и журналистике, Элеонор Лоуренс всегда оказывается на высоте.

Она прилетела в США из Австралии в двадцать лет, будучи замужем с тремя собаками. Ее муж — морской биолог. В Колумбийском она защищала свою четвертую и пятую магистерскую работу. Не представляю, откуда у этой на вид хрупкой женщины столько выдержки и силы, чтобы так много и усердно учиться, работать и не прогнуться под натиском конкурентов и завистников!

Студенты ее обожают. Кроме профильных дисциплин, она еще преподает экономику и административное право.

— Мой муж вчера улетел на Филиппины. Он будет изучать малышей акул посмотрите, какие они милые, — Элеонор показывает фотографии маленьких акул Саймону и мне, где они плавают в специальном бассейне.

Что мне особенно нравится в ней, так это её непосредственность. Она никогда не переступает грань между студентом и преподавателем, но всегда умеет вести теплый и приятный разговор.

— Декан Лоуренс, я спросил у Мори, почему она хочет полететь в Новую Гвинею вместо Франции, и она ответила, что её сердце велит ей это сделать, — поддерживает разговор

Саймон, и я чувствую, как мои щеки начинают гореть. Из его уст мои доводы звучат слишком романтично.

— Саймон, у Мори дух настоящего репортера и исследователя. Таких, как она, не заставишь сидеть на месте и часами печатать статьи для желтой прессы. Ими движет дух приключений и авантюризма, — отвечает декан с теплой улыбкой, глядя на меня.

— Просто у меня появился шанс увидеть совершенно другой мир. Полагаю, что жизнь в Европе не сильно отличается от жизни здесь, но там... там всё по-другому.

— Это верно, — кивает Элеонор, забирая свой чай у официантки, которая подошла к нам бесшумно. — И вот что я тебе скажу, Мори Дэвис! Ты полетишь на Лаэ этой осенью и покажешь всем, что хрупкая и невинная девушка способна справиться с работой не хуже взрослых мужчин! В штате «Голден Хоуп» в основном мужчины старой закалки, и тебе будет нелегко, но...

Боже мой! Я действительно отправляюсь в Новую Гвинею! Я так сильно сжала стакан, что, будь стекло тоньше, он бы точно треснул в моих руках. Мне с трудом удается удержаться на месте и не пуститься в безумный танец от счастья.

— Огромное спасибо, — язык едва ворочался во рту, слова застряли в горле. — Я просто в восторге!

— Ты это заслужила! — Элеонор отправляет в рот кусочек десерта. — Вы оба, — она указывает десертной вилкой на меня и Саймона, — отлично поработали. Проект полу-

чился просто идеальный. Если эта тема тебе по-прежнему интересна, предлагаю писать по ней магистерскую работу. К тому же у тебя уже будет семестр практики.

— Правда? Это было бы замечательно! Спасибо, декан Лоуренс!

Господи! Мне снова повезло! Я не из тех, кто часто обращается к высшим силам, но прямо сейчас я готова вознести им молитвы за свою удачу.

***

— Когда ты улетаешь? — Элис сидит на моей кровати в пижаме с мишками и тканевой маске на лице. — Подожди, а как же учёба? Неужели они заставят тебя учиться ещё целый семестр, и мы не закончим университет вместе, как планировали?

В её глазах тут же вспыхнул страх. Элис порой очень впечатлительная. Страшно даже представить, как в её голове рушатся все эти планы: как мы вместе подбираем образ для вручения дипломов, бродим по магазинам в поисках платьев, потом устраиваем шумную вечеринку в честь выпуска, а после втроём отправляемся в путешествие по Мексике…

— Я буду учиться удалённо, — успокоила её я, погладив по колену. — Элеонор сказала, что я прекрасно смогу совмещать работу и учёбу, и я как раз вернусь к зимней сессии. Так что никто не оставит меня здесь ещё на один семестр.

— Это хорошо, — простонала Рита, опустив ноги со стены и приняв горизонтальное положение. Видимо, ночь была

слишком бурной, что даже сейчас, в половине десятого вечера, она всё ещё не может прийти в себя. — И как же мне плохо...

— Не сомневаюсь, — произнесла я, изо всех сил стараясь сдержать смех. — Но ночью-то было хорошо?

— Я бы тебе всё подробно рассказала, если бы у меня были силы, но давай отложим этот разговор на завтра.

— Эм уж как-нибудь переживёт этот вечер без твоих историй. Сегодня её день, а тебя мы ещё наслушаемся за весь год, — Элис кинула мою подушку в Риту.

— Вообще-то её не будет весь первый семестр, — Рита поймала подушку и закрыла ей свое лицо.

— Точно. Я всё ещё не могу поверить, что тебя с нами не будет. — Круглые золотисто-карие глаза подруги покраснели, предвещая бурный поток слез.

— Первые недели я буду с вами, вылет только во второй половине сентября...

— И до самого Рождества, — печально заметила Элис, хлюпая носом. — То есть ты пропустишь посвящение первокурсников, Хэллоуин, День Благодарения...

— Да я и так не хожу на все эти вечеринки, так что ты и не заметишь моего отсутствия.

— Ещё как замечу! — возмутилась Элис. — Мне придётся выслушивать её в одиночку!

— Я всё слышу, вообще-то, — донёсся голос Риты из-под подушки. — Тогда будем доставать её в соцсетях.

— Тогда тебе придётся научиться грамотно писать!

— Вот если бы мне не было так плохо, то я прямо сейчас надрала бы тебе зад, Элис Миллер!

Моя внутренняя эйфория немного потускнела, когда я осознала, что пропущу целый семестр учёбы и что рядом не будет Элис и Риты. И впервые мне стало страшно и грустно при мысли о предстоящей поездке.

***

Следующее утро в Центральном парке было таким же жарким, как и вчера, но всё же другим. И не потому, что сегодняшний день в любом случае не будет таким же, как и вчера. Нет, просто я сегодня смотрю на всё по-другому.

Когда я впервые приехала в Нью-Йорк, меня охватил страх, словно густой туман. Страх потеряться в этом огромном городе, попасть в неприятности. Страх девочки из маленького городка быть непринятой, казаться провинциалкой для местных жителей и никогда не найти здесь своё место. Постепенно я начала привыкать к шумным улицам, где никогда не смолкает гул, к джунглям из небоскрёбов и разнообразию акцентов и национальностей.

Рита с Элис очень сильно помогли мне. Наша дружба началась с первого взгляда. Три девушки из разных уголков континента, из маленьких городов, встретились в Нью-Йорке. Элис прилетела из Калифорнии. У неё три старших брата и две младшие сестры. Она первая в семье, кто смог поступить в университет, поэтому разлука с близкими далась ей

так же тяжело, как и мне. Рита, напротив, была рада вырваться из-под опеки своей бабушки и покинуть Луизиану. Гордая и свободолюбивая девушка с африканскими корнями не может бесконечно сидеть под присмотром родственников.

Я не вдавалась в подробности истории семьи Риты, но из её рассказов знаю, что с десяти лет она живёт с бабушкой по маминой линии и её старшей сестрой. Родителей Рита не видела с тех самых пор. Но причину она не называет, поэтому я до сих пор не знаю, что с ними произошло. Да я и не помню, чтобы она когда-нибудь говорила о них. Когда я или Элис рассказываем о своих родителях и вспоминаем истории из детства, на лице Риты не дрогнет ни один мускул. Никогда.

Мы совершенно разные: скромная мечтательница, впечатлительная красотка и болтливая стерва. Мы живем вместе и дружим так долго, что это кажется невероятным. Я искренне люблю своих подруг, они стали моими первыми и самыми близкими друзьями, и я надеюсь, что после выпуска мы продолжим дружить и никогда не потеряем эту самую связь между нами.

Я не знаю, что подтолкнуло меня в такую рань приехать сюда со своей любимой книгой, первым томом «Унесенные ветром». Но, проснувшись еще до рассвета, я подумала, что было бы прекрасно поймать первые лучи солнца, сидя на скамеечке в парке. К сожалению, я не успела встретить рассвет, опоздав всего на несколько минут. К тому времени местные бегуны уже соревновались, кто первым окажется на

линии финиша сегодня утром. Поэтому я, вооружившись наушниками, сначала решила прогуляться, а потом уже пристроилась на скамейке, чтобы в очередной раз перечитать наизусть заученный текст дорогого мне романа.

Скарлетт О'Хара — сильная личность, и я стремлюсь быть похожей на неё. Ее можно либо любить, либо ненавидеть. Я ощущаю с ней особую связь. В моей жизни происходит то же самое: либо я нравлюсь людям, либо нет. В моей жизни нет места для золотой середины. У Скарлетт есть своя фирменная фраза, и я обязательно придумаю свою. В трудные моменты жизни я часто задаюсь вопросом: как бы поступила она? Уверенная в том, что Скарлетт никогда и ни за что не опустила бы руки.

Мне двадцать два года, и пора перестать зацикливаться на пустяках и неурядицах. Почему я грущу? Только вчера я была на седьмом небе от счастья из-за своих успехов, и пусть после разговора с подругами мне стало немного грустно, это не повод впадать в полное глубокое уныние! И я ведь уезжаю не навсегда, а всего лишь на один семестр.

От размышлений меня отвлёк сигнал сообщения от Риты: «Возвращайся. Мы собираемся в магазин».

— Рада, что тебе уже лучше, — тихо отвечаю своему телефону, мысленно передавая свои слова Рите. Я обещала ей поворчать на неё ещё пару дней, надеясь, что в этом году она сократит количество вечеринок в университете или хотя бы станет более разборчивой в отношениях.

Не то чтобы я была профи в любовных делах. У меня был всего лишь один роман в старшей школе, и когда Роджер переехал в Портленд, мы больше не общались. Трехмесячная интрижка на первом курсе тоже вряд ли можно считать за настоящие отношения. А дальше я посвятила всё свое свободное время учебе, решив не зацикливаться на парнях, тем более что от Риты и Элис мне более чем достаточно информации, чтобы понять, что мне не нужны серьезные отношения прямо сейчас. В романтику я верю, только когда читаю книги, но не в реальной жизни.

На лавочку рядом со мной сел белоснежный голубь. Говорят, голуби — вестники, и я надеюсь, что это добрый знак. Мне впервые предстоит отправиться так далеко от дома и от родителей. Я еще не рассказала им о своем полете в Новую Гвинею. Они, конечно, будут рады за меня, но также будут переживать. Даже на расстоянии я буду чувствовать их тревогу.

Как только я отвечу на звонок папы, он сначала задаст мне сто три вопроса о моем самочувствии. Затем он прочитает мне лекцию о выживании, которую заранее подготовит, изучив все сайты на эту тему в интернете. И только после этого я смогу рассказать ему о том, как проходит мой день.

Мама всегда мечтала, чтобы я много путешествовала. Когда я была маленькой, она читала мне книги о путешественниках, будь то соседняя страна или далекие магические миры. Она точно будет рада, что мне выпала такая возмож-

ность. Но это не значит, что она будет беспокоиться обо мне меньше, чем папа. Ладно, я обязательно позвоню им сегодня вечером и все расскажу. Надеюсь, что наш разговор будет добрым и без лишних слез. В маме я уверена, а вот за себя и папу не ручаюсь.

Очень надеюсь, что они поймут меня и примут мое решение. Ведь еще ни разу в жизни я не была так уверена, как в этой поездке. Сердцем чувствую, что мне нужно лететь туда, может, это покажется странным, но меня прямо-таки тянет в это место. И когда мне еще выпадет такой шанс? Да, перелет будет долгим и сложным. Четыре пересадки, больше двух дней в пути, к сожалению, моих денег хватило не на самый быстрый и короткий путь от Нью-Йорка до Лаэ, но это ведь не так страшно! И Саймон помог мне забронировать номер в маленьком отеле, так что, несмотря на сложности, у меня складывается пока что всё удачно. И если родители поддержат меня, то мне уже точно не будет страшно.

***

— Может, мне надеть это? — Рита, словно вчера не было никакого похмелья, крутилась у зеркала, примеряя очередное платье.

— Предупреждаю, там жарко, — я тоже переоделась. Сменила джинсы и топ на лёгкое летнее платье.

— Похоже, это лето решило нас доконать, — вздыхает Элис заплетая свои густые рыжие волосы в пучок.

Отсутствие кондиционера в комнатах общежития, конеч-

но, ужасно. Еще не все студенты заселились, но те, кто уже приехал, так же, как и мы, страдают от жары, спасаясь холодным душем, настольными вентиляторами и холодными напитками. Но не каждый год лето настолько жаркое, поэтому разумно не тратить средства на покупку кондиционеров в каждую комнату.

— Да-да-да, глобальное потепление, природные катаклизмы. Жара в Нью-Йорке — и до конца света уже недалеко, — поддразнивает Элис Рита, снимая очередное платье.

— Надевай вот это небесно-голубое и пошли, я больше не могу смотреть на это! — взмолилась я, сложив ладони. — Тебе всё к лицу, а я ещё хочу успеть до обеда…

— Это меня полнит! — возмутилась Рита, игнорируя мою просьбу и жест.

— А ты не в курсе, — хихикнула Элис, покрутившись на стуле. — Краткий обзор: — она поднесла карандаш ко рту, словно это микрофон. — На последней вечеринке Рита Гарн познакомилась с очень интересным молодым человеком. Студентом третьего курса нашего университета. Почему она раньше его не заметила? Потому что нашу подругу привлекают не добрые и порядочные мальчики, а извращенцы, бабники и прочие сомнительные типы. Но тут, вероятно, виноват Меркурий в седьмом доме! Их глаза встретились, и весь мир для Риты померк. Перед её взором остался только Дилан в сверкающем ореоле, словно Иисус...

— Достаточно, — оборвала её Рита. — Хреновый из тебя

обозреватель.

— Поэтому я и учусь на экономическом, — Элис поставила карандаш на место. — Эм точно будет блистать на экране!

— Вряд ли, — пробормотала я, проверяя электронную почту. Декан Лоуренс обещала сегодня выслать список необходимых документов для поездки. — Мне нравится собирать информацию, фильтровать её и красиво подавать, но не стоять перед камерой.

— И ты будешь потрясающе смотреться на экране! Такая холодная красотка сразу же привлечёт зрителей. Каналы будут рвать друг друга на части, чтобы заполучить тебя!

— Тут я с ней согласна, — пробормотала Рита, пытаясь застегнуть уже седьмое платье. — В телевизоре тебя ждёт успех.

— Спасибо, леди, но я предпочитаю оставаться по ту сторону камеры. И раз уж наша звезда оделась, предлагаю выдвигаться, пока асфальт ещё не расплавился.

Даже несмотря на то, что Рита бесцеремонно оборвала "репортаж" Элис, направление нашего маршрута не вызывает сомнений: мы идем в магазин, где работет Дилан — её новое увлечение.

— И как тебя угораздило влюбиться в парня работающего в магазине комиксов? — прошептала Элис, когда мы переступили порог.

Слава богам, здесь был работающий кондиционер, и мы трое с наслаждением вдохнули холодный освежающий воз-

дух.

Магазин казался небольшим из-за множества полок и витрин, на которых красовались яркие книжки с супергероями и злодеями. И людей здесь, к моему удивлению, достаточно много, и вряд ли они зашли просто так, чтобы остудиться. Я не очень понимаю все эти увлечения комиксами, мне больше по душе читать книгу, где большую часть страниц занимает текст, а не рисунки, но не могу соврать, мне определенно хочется посмотреть на всё, что здесь есть.

— Это всего лишь подработка, а сам он учится на юридическом, — прошептала в ответ Рита, выискивая глазами своего принца.

— Мой папа мечтал, чтобы я выбрала эту профессию.

— А мой думал, что к двадцати годам у меня будет минимум двое детей. Но, как видишь, планам наших отцов не суждено сбыться.

— Вижу его, пойду поздороваюсь, — сразу расцвела Рита, поправляя волосы.

— Иди-иди, а мы следом, послушаем, о чём ты будешь ему петь... — пролепетала Элис, улыбаясь так же как, Локи с обложки комикса слева от меня.

— Пойдём лучше туда и посмотрим комиксы, — я потащила Элис в другую часть магазина.

— Да кому они нужны! — возмутилась подруга, но не стала мне сопротивляться.

Ладно, признаюсь: мне самой жутко хотелось взглянуть на

избранника Риты. Поэтому мы нырнули за стеллаж — идеальное укрытие: нас не видно ни с какого ракурса, зато отсюда открывался лучший в мире вид на эту парочку. И да, они ворковали, как самые настоящие влюблённые голубки — так сладко и увлечённо.

Парень действительно оказался красавчиком. Всё прямо как любит Рита: высокий рост, подтянутая фигура, но не перекачанная, бронзовая кожа, тёмные густые волосы. Готова поспорить, в нём течёт восточная кровь.

— Он и правда симпатичный, — прошептала я Элис на ухо, украдкой посматривая на Риту и Дилана. — Не типичный красавчик, но в нём есть что-то цепляющее.

— Ага. Глаза, фигура, член. Почему Рите так легко завести новое знакомство? А мне нет? — Шепотом ответила Элис и я тихо захихикала.

— Может, потому что она не такая избирательная, как мы?

— Точно. И поэтому ей не приходится выслушивать от нас душераздирающие истории о новых расставаниях и разбитых сердцах.

— Не могу не согласиться, — подтвердила я слова подруги, подтолкнув ее плечом в знак согласия. — Жаль, что я пропущу её первые слёзы по этому неудавшемуся роману.

— Перестань об этом говорить. Я до сих пор не могу поверить, что тебя не будет рядом так долго. Как только я начинаю об этом думать, мне хочется разреветься и запереть

тебя в нашей комнате.

— И я буду скучать по вам обеим.

***

— У меня впереди несколько пересадок в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Маниле и Порт-Морсби, а затем я буду в Лаэ! — я несколько минут смотрю на встревоженные лица родителей на экране ноутбука. — Да, это дольше, чем я планировала, но ничего страшного. Есть рейсы и длиннее.

— Дочка! — голос папы раздаётся в динамике. — Неужели нельзя было отправить тебя в более близкое место? Ты ведь никогда не покидала штат!

— Папа, я сама выбрала Лаэ. Это мой выбор, и я прошу вас поддержать меня. Конечно, мне немного страшно, но я очень этого хочу. Мне важно, чтобы вы отпустили меня и чтобы я не переживала из-за вашего беспокойства. Тем более мы будем постоянно на связи.

— Милая, мы, конечно, поддерживаем тебя, – мама отодвинула папу и теперь была в центре экрана. — И мы, конечно, беспокоимся за тебя. Но я, — она с лёгким укором взглянула на папу, — очень рада, что ты посетишь это место.

— Спасибо, мам, — прошептала я, изо всех сил стараясь не расплакаться. Мы ведь даже не на разных континентах — всего пара часов на машине, а я всё равно скучаю так, будто между нами целая вселенная. А скоро и правда улечу на другой конец света… От одной мысли об этом внутри всё сжимается, и на глаза снова наворачиваются слёзы.

— Мори, ты сможешь приехать к нам перед вылетом? — папа снова оказался в центре экрана, заслонив маму.

Мой отец не очень ладит с техникой. Она словно противится ему, как он говорит. Поэтому, чтобы я наверняка его услышала, он старается говорить громче и подносить лицо ближе к камере.

— К сожалению, нет. Первые две недели я буду занята учёбой и сборами. Миссис Лоуренс должна составить для меня план дистанционного обучения.

— Ох, Мори, это ведь непросто, — мамина рука опустилась на папино плечо, заставляя его сесть рядом. — Ты точно справишься?

— Да, мама, я справлюсь, — заверила я, скорее себя, чем её.

— А как девочки отреагировали на твоё предстоящее путешествие? — мама положила руку на папино колено и мягко сжала его.

Родители редко открыто проявляют чувства друг к другу, но даже в этом простом жесте я вижу поддержку и любовь.

— Сначала они расстроились, особенно Элис. Она же очень эмоциональная. Но потом они смирились и теперь активно помогают мне готовиться к поездке. Рита собирает мой гардероб, — хмыкнула я, — а Элис составляет список того, что мне привезти из Лаэ для неё и её семьи. Они меня поддерживают. Я знаю, что это нелегко принять, и... простите меня за то, что так долго держала это в секрете. Я не была

уверена, что меня выберут, поэтому…

— Не стоит давать любимым ложные надежды, — закончила за меня мама.

— Да, — кивнула я, сожалея, что сейчас не могу обнять её, прижаться к плечу и почувствовать аромат её лавандовых духов.

— Целый семестр… — папа откинулся на спинку дивана. — Это же так долго, Мори! Как же мы будем без тебя?

— Папа...

Мой отец — настоящий мастер театральных постановок и сценических эффектов. Каждый год, начиная с пятнадцати лет, я поддаюсь на его уговоры и наряжаюсь с ним в костюмы на Хэллоуин, хотя каждый раз обещаю себе, что это в последний раз. Ведь я уже слишком взрослая для «Сладость или гадость?».

— Я буду звонить! — обещаю я, приложив ладонь к сердцу. — Вот запомни мои слова: вы ещё устанете от моих ежедневных звонков!

— Ха! Да никогда! — папа сразу же оживился, надеясь на новое пари. — Заключим пари?

— А давай! — соглашаюсь я, зная, что это пари будет напоминать мне о доме.

– На что спорим? – интересуется папа с лукавой улыбкой, в то время как мама лишь тяжело вздыхает. На её лице ясно читается: «Вы как дети малые».

— А что ты хочешь? Давай, предлагай свои варианты! —

несмотря на мамино раздражение, мне никогда не надоедает наше с папой ребячество.

— Ладно… — папа делает вид, что глубоко задумался. – Весной ты встретишься с внуком миссис Кайлсон.

— Дорогой... — мамина рука еще крепче сжимает папино колено.

— Я вовсе не это имел в виду! — тут же оправдывается папа. — Уолт — отличный парень, он всего на три года старше нашей Мори. Я же не настаиваю, чтобы она выходила за него замуж! Они просто встретятся, возможно, понравятся друг другу…

— Мори сама может выбрать, с кем ей идти на свидание, — шипит на папу мама.

— Да когда она в последний раз ходила на свидания? — папа тут же замолчал и виновато поднял на меня глаза. — Прости, Мори…

— Всё в порядке, пап, правда, — я отмахнулась от этой ситуации, как от назойливой мухи, при этом широко улыбаясь.

Уж вины родителей в том, что со мной произошло, точно нет. Я приняла решение жить дальше, и мама с папой всячески поддерживают меня. Кроме родителей и моего психолога больше никто не знает о том, что случилось в прошлом году. Я долго думала, рассказать ли об этом девочкам, ведь все-таки они мои близкие подруги, но так и не решилась. И хоть по моей спине пробежал неприятный холодок, я не поз-

волю своим воспоминаниям вырваться наружу. Не сегодня.

— Ты прав, пап, я давно не ходила на свидания, но не из-за этого, — повторяю я себе, каждый раз отказывая парням, приглашающим меня на кофе или в кино. — Я решила сосредоточиться на учебе и... знаешь, я принимаю твой вызов. Но! — я поднимаю вверх указательный палец. — Если проиграешь, мы идем в «Старую ель» и поем там в караоке до самого утра.

Лицо папы мгновенно краснеет, а мама заливается громким смехом.

— С удовольствием послушаю, как ты поешь Джонни, — сквозь смех кричит она, не в силах остановиться.

Мой папа — потрясающий человек. Добрый, ответственный, заботливый. Такие мужчины, как он, — настоящий подарок. Но у него есть небольшой недостаток: папа совершенно не умеет петь. И он не стесняется этого, потому что нет смысла отрицать очевидное. Однако не самое приятное — идти вечером в пятницу в маленький пивной бар, где соберутся все рабочие с лесопилки, и петь с дочерью песни из старых мюзиклов.

— По рукам, — соглашается он и поднимает руку в знак согласия.

— По рукам, — отвечаю я, повторяя его жест.

***

Это какое-то волшебство или закон подлости? Время действительно кажется весьма загадочным явлением. Вот когда

ты чего-то очень сильно ждешь, оно тянется медленно-медленно, словно секундная стрелка решила идти черепашьим шагом. А когда, наоборот, хочешь успеть сделать все свои дела вовремя, подольше побыть вместе с друзьями, время решает ускориться и не оставляет тебе ни малейшего шанса на то, чтобы твои планы были выполнены. Со мной так всегда, и сентябрь этого года пролетает незаметно.

В начале месяца я посвятила себя учебе, обсуждая с преподавателями свои планы на дистанционное обучение, когда я прилечу на остров. По вечерам, помимо выполнения домашних заданий, я также занималась оформлением документов для работы в Лаэ. Компания «Голден Хоуп» предоставила мне рабочую визу, благодаря чему в Лаэ я буду не только практикантом, но и официальным сотрудником с минимальной почасовой оплатой.

Не успевала я коснуться головой подушки, как меня будил звонок будильника, возвещая о начале нового дня, который, как и предыдущие, обещал быть полон хлопот, тревог и новых задач, которые мне предстояло выполнить.

Мой список дел «Успеть до отлета» — это отдельная история. Каждый раз, когда я с радостью отмечаю выполненную задачу, он тут же пополняется новыми пунктами. Я знала, что предстоит много работы, но не ожидала, что это окажется настолько сложно. Если бы не помощь Элис и Риты, в первый же учебный день я бы разрыдалась от отчаяния и, поддавшись эмоциям и панике, отказалась бы от поездки.

– Наша столовая решила нас отравить, – Элис ковыряет вилкой в своей порции лазаньи, морща аккуратный носик. – Что они туда подмешали? Кого? Нет, даже думать об этом не хочу!

– Да ладно тебе, лазанья как лазанья. Как всегда. Как и последние три года.

Бесполезно пытаться успокоить подругу, уверяя, что с едой всё в порядке, когда сама даже не притронулась к ней.

– И поэтому ты не ешь, – справедливо замечает Элис.

– Кусок в горло не лезет, – я откладываю телефон, когда прищуренные глаза подруги внимательно смотрят на меня. – И вовсе не потому, что это невкусно. Просто у меня столько дел, что меня с самого утра мутит. Всю первую лекцию я переживала, как мой желудок не переварит утренний капучино и вернёт его обратно.

– Пф, – прыснула Элис, уронив вилку на стол. – Так и представляю, как твой желудок кричит тебе: «Эй, ты там наверху! Что за дрянь ты в меня влила и почему я должен это переваривать? А ну забирай это обратно!».

– Ага, – я тоже не смогла сдержать смех. – Представляешь, вся группа бы увидела, как я изрыгаю капучино. Вот стыдобище бы было…

– А потом университету пришлось бы вызывать специалистов в специальных костюмах, как при работе с опасными вирусами, целую бригаду уборщиков и, возможно, пару психотерапевтов, чтобы успокоить студентов и профессора по-

сле такого зрелища, – Элис уже хохочет во весь голос, забыв про свой обед.

– А вот это уже не смешно, – я бросаюсь в неё салфеткой, стараясь придать своему лицу обиженный вид. Но её смех настолько заразителен, что я тоже начинаю смеяться. – Рита тебе вчера писала?

Мы не видели подругу уже целую неделю. Похоже, её новый роман превзошёл все предыдущие, и она даже не приходит ночевать в свою комнату, постоянно оставаясь с младшекурсником. Именно так мы его теперь называем.

— О, — Элис оживилась, и я с облегчением выдохнула — разговор наконец переключился с меня на нашу подругу. — О да. Рита писала. Рита звонила. Рита присылает селфи с ним каждые двадцать минут. Я теперь знаю, как выглядит этот парень со всех возможных ракурсов, включая нижний, — лукаво подмигнула она.

— Слава богу, она мне не доставляет такого удовольствия.

— Она знает, как ты занята. Но знаешь что? Рита счастлива. По-настоящему. Она мне вчера сказала: «Элис, я не думала, что можно вот так — просто быть с кем-то и не напрягаться». И я, конечно же, закатила глаза, потому что Рита говорит так про каждого парня, но в этот раз… Не знаю. Может, в этот раз реально ее сердце пронзила стрела купидона.

— Может, — ответила я, и что-то больно кольнуло внутри — не от слов Элис, а от того, как легко, как просто это звучало. «Не напрягаться». «Просто быть». Как будто это доступ-

но каждому, кто состоит в отношениях.

— А тебе нравится он?

— Не знаю. Ещё не решила. Не мой тип, конечно...

— Твой тип — это Келлер?

Элис покраснела так быстро, что я чуть не высморкала лимонад через нос из-за очередного приступа смеха.

— Я не начинала про Келлера!

— Ты не начала. Но подумала.

— Я не…

— Элис, ты покраснела.

— Это аллергия! На… на лазанью. Вот. Она отодвинула тарелку ещё дальше, и мы обе громко засмеялись. Опять.

Как же мне будет не хватать моих подруг и таких разговоров! Как же я буду скучать по ним! Я уже скучаю. Скучаю по Рите, с которой мы теперь так редко видимся из-за ее новых отношений.

Когда они рядом, я чувствую особую легкость, которую не могу испытать ни с кем другим. Возможно, я не всегда полностью открыта с ними, но и они не рассказывают мне все о своей жизни. И все же я вряд ли когда-нибудь смогу так же сильно довериться людям, как доверяю девочкам и своим родителям.

Я не сразу узнала его. Просто почувствовала — спиной, затылком, тем странным внутренним датчиком, который после той ночи включился на полную и больше не выключался.

Нолан шёл по столовой — уверенно, размашисто, как хо-

зяин этого места. На нём была спортивная куртка, руки в карманах. За ним следовали двое из команды, но он опережал их, как всегда. Словно они были его свитой, а он — тем, кому эта свита положена.

— О, — сказала Элис, проследив за моим взглядом. — Ривера идёт. Опять включит обаяние на полную. Готовьтесь, девушки, ваши трусики будут мокнуть от одного его вздоха.

— Чёрт, — тихо выругалась я. — Только этого кретина не хватало.

— Что? — повернулась ко мне Элис. — О. Ну ладно. Может, просто пройдёт мимо.

Сука! Он не прошёл мимо.

— Эй, Мори, — Нолан подошёл к нашему столу, и его тень накрыла мою тарелку, как одеяло. — Скучаешь?

Его голос звучал тепло, лениво, но с хищной ноткой, которую я теперь слышала в каждом слове. Его взгляд скользил по мне — от волос до рук, от рук к лицу. Оценивающе, как в тот раз.

— Не особенно, — ответила я, глядя в тарелку.

— Ого, — он засмеялся, и его команда подхватила смех. — Холодная, как всегда. Мне нравится.

— Нолан, — произнесла Элис холодно, уловив перемену в моем настроении. — Что тебе непонятно в ответе «не особенно»?

Нолан перевёл взгляд на неё снисходительно, сверху вниз, как на ребёнка.

— Элис, расслабься. Мы с Мори просто разговариваем. Правда, Мори?

Я молчала, потому что если бы открыла рот, оттуда мог выйти совсем не тот звук. Здесь много студентов, и Элис, но когда этот человек рядом со мной, весь мир кажется таким крошечным по сравнению с ним, а я такой беззащитной, что одно его прикосновение может убить меня. Не буквально, конечно, хотя, может, в этот раз у него и получится.

— Помнишь, как мы болтали в кафе вместе с Сальным в конце лета? Или когда ты брала у меня интервью в прошлом году? — он наклонился ближе, и я почувствовала его запах — одеколон, пот после тренировки и что-то ещё, что-то, от чего меня затошнило так резко, что я сжала край стола. — Помнишь тот раз? Когда ты решила поиграть в гордую…

— Нолан, — мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. — Мы обедаем. Иди к своей команде.

— Обедаете, — он кивнул, не двигаясь. — Лазанья, да? Люблю итальянскую кухню. — И сел на край стула. — Кстати, Мори, ты ведь уезжаешь? Куда-то далеко? Новая… что? Гвинея?

Мой желудок скрутило в тугой узел. Откуда он знает?

— Нолан, — Элис встала, и стул за ней скрипнул по полу. — Ты сейчас что делаешь?

— Общаюсь, — придурок улыбнулся ей — своей фирменной улыбкой, от которой девчонки на кампусе теряли голову. От которой я тоже когда-то… Нет. Не думать об этом. —

Что, нельзя?

— Можно, — сказала я, и голос был спокойным, и руки не дрожали, и всё внутри было замёрзшим. — Только тебе уже пора.

Он посмотрел на меня. Долго. В его взгляде не было ни обиды, ни сожаления — только жажда. Жажда вернуть контроль, наказать за тот момент, когда я отказала ему. Когда унизила его при его команде. Прошлого наказания ему мало, и он хочет больше.

— Ты закончила? — он наклонился ко мне, почти к уху, и я почувствовала его дыхание. — А я нет, Мори. Мы с тобой ещё не закончили.

— Эй! Ты угрожаешь ей?

— Угрожаю? — он откинулся назад, разведя руки. — Ну что ты! Как я могу угрожать беззащитной невинной девушке?

— Нолан, — Элис начала собирать свой поднос. — Ты сейчас встанешь и уйдёшь. Или я пойду к администратору и скажу, что ты пристаёшь к студентке. Хочешь проблем с тренером?

В его глазах мелькнула холодная расчётливость. Он взвесил её слова и снова улыбнулся.

— Ладно-ладно. Успокойся, Элис. Я просто подошёл поздороваться. — Он встал, убрал руки в карманы и посмотрел на меня сверху вниз. — Бывай, Мори. Счастливого пути. Новая Гвинея — это ведь там дикари? Тебе должно понра-

виться.

И ушёл. Так же уверенно, как и пришёл. Парни за его спиной засмеялись, но я не обратила на них внимания.

— Ты даже не знаешь, где это место на карте мира! — крикнула Элис ему вслед и медленно села на стул. — Что это было? — спросила она. — Серьёзно, Мори, что между вами происходит? Он ведёт себя так, будто ты ему что-то должна.

— Ничего я ему не должна, — немного резко ответила я. — Сама знаешь, я просто брала у него интервью в прошлом году.

— Но он сказал «мы ещё не закончили». Это звучит как…

— Элис, — я подняла на неё глаза. — Пожалуйста, не сейчас.

Она замолчала, увидев что-то в моём взгляде. Что-то, что я не хотела показывать.

— Хорошо, — наконец сдалась она. — Но, Мори, если тебе когда-нибудь захочется поговорить, я рядом. Ты знаешь это, да?

Из-за своего черезчур эмоционального характера у Элис просто фантастическая способность считывать настроение людей. И, конечно же, она поняла, что я что-то не договариваю, не глупая же, но у меня нет сейчас желания и сил изливать ей душу и вытаскивать из спрятанной коробки плохие воспоминания, которые я так тщательно закрыла на тысячи замков. И вряд ли это желание когда-нибудь появится.

— Знаю, — я сжала стакан с лимонадом, и холод стекла

немного остудил мои пальцы. — Спасибо.

Мы просидели ещё минут десять. Элис рассказывала про Риту и её младшекурсника — про то, что он подарил ей брелок Железного человека, и Рита носит его на рюкзаке, хотя раньше говорила, что брелки — для детей. Я кивала, улыбалась в нужных местах, но всё, что слышала поверх её слов, — его смех. Громкий. Беззаботный. Как будто ему всё дозволено.

Элис и Нолан ходили на лекции по философии на первом и втором курсах. Уже на первом курсе Нолан попал в состав университетской команды и занял почетное место нападающего. Именно в тот момент его ужалила слава или он всегда был таким, но уже после первого матча, когда наша команда в пух и прах разгромила соперников, имя Нолан Ривера было у всех на устах, и даже самый незаинтересованный в спорте человек, как я, не мог не слышать его имя.

В женском туалете сразу же начались девичьи бои за внимание «Новой легенды». Его приятели тоже не остались в стороне и получили свою долю славы. Я до прошлого года не обращала внимания на эти события, потому что меня не интересовал ни Нолан Ривера, ни наша футбольная команда. Хотя эта тема неоднократно обсуждалась в нашей комнате и среди студентов университета.

Рита пересекалась с Ноланом на нескольких дополнительных лекциях, и, к моему удивлению, как парень он её не особо интересовал, чего не скажешь о других участниках коман-

ды. Сколько у Риты было спортсменов в её арсенале: пять? Восемь? Её всегда тянуло к плохим парням со старших курсов с пирсингами, татуировками, к тем, кто вечно крутился на вечеринках и втягивал студентов в сомнительные истории.

Как она не поддалась этому искушению и не скатилась в эту пропасть, я могу только гадать и искренне радоваться, что этого не случилось. Эти ребята с самого студенчества начинают рушить собственную жизнь. Я испытываю лишь страх за свою подругу и отвращение к такому образу жизни. Больше ничего.

Всё, что я знала про Нолана Риверу, были исключительно сплетни, долетавшие до меня. И ничего из того, что относится к нему и его друзьям из команды, меня не волновало. Но в прошлом году перед самым Рождеством я самовольно подписалась взять у него интервью. Я решила, что готова для этого, и раз уж я хочу связать свою жизнь с журналистикой, то курсовая работа будет неплохим стартом для этого.

И всё было очень просто. Я выбрала тему, согласовала ее с профессором и тренером Майком Хартли. Хотя ему было плевать на то, что какая-то девчонка будет писать работу про его ребят, я ведь не первая, кто решил этим заняться. В свою защиту скажу одно: для меня это был исключительно научный интерес, а не возможность поближе познакомиться с парнями. И если бы я знала, чем всё закончится, то никогда бы не пошла на это. Но могла ли я предположить, что всё в

моей жизни обернется именно так? Конечно, нет.

Только, несмотря на то, что прошел почти год и была проведена усердная работа с моим психологом, я до сих пор чувствую себя виноватой перед своими родителями. И как бы они ни уверяли меня, что в этом совершенно нет моей вины, как бы мой психолог ни пытался заложить это в меня, я все равно чувствую, что подвела свою семью.

Все еще ощущаю озноб, когда вижу его или слышу его имя. Он то делает вид, что не знает меня, не помнит мое имя, то, наоборот, как сегодня, дает жирные намеки на то, что ничего не забыто и он просто так не отстанет от меня. Мне не страшно, нет, мне просто противно. Противно его присутствие. И я стараюсь настраивать себя на то, что все произошедшее я пережила и двигаюсь дальше, и пусть я хвалю себя каждый раз, когда могу дать этому придурку отпор, как тогда в студенческом кафе, я иногда ощущаю себя при нем слишком беспомощной. Как несколько минут назад.

Я попрощалась с Элис до вечера и сразу отправилась в библиотеку. У меня оставалось примерно четыре часа до следующей лекции, и я решила не терять времени, чтобы выполнить домашнее задание.

Библиотека — это место, где я чувствую себя умиротворённо. Аромат книг всегда действует на меня успокаивающе, а шелест страниц — будь то новой книги или уже многократно прочитанной студентами — приносит особое удовольствие. Однако меня огорчает, когда я вижу страницы,

исписанные нецензурными надписями. Для меня книга — это живое существо, которое хранит в себе знания. Если студенты так относятся к книгам, то что мешает им так же обращаться с животными и людьми? Возможно, я слишком сильно утрирую, сравнивая книги с людьми, но я убеждена, что характер человека начинает формироваться с самого рождения, а его поведение можно проследить в самых незначительных поступках.

Если бы мне нужно было описать себя, основываясь на своих принципах, я бы использовала несколько слов: замкнутая, мечтательная, странная, с обострённым чувством справедливости, холодная.

Сумка с громким стуком упала на стол, когда я вспомнила, как Нолан произнёс это слово. Холодная. Проклятье! До вылета остаётся меньше недели, и мне только не хватало добавить к своим переживаниям из-за поездки ещё и мысли об этом идиоте!

Лучший способ избавиться от негативных мыслей — это отвлечься. Пальцы сами набирают номер.

— Мори, что-то случилось? — слышу взволнованный голос мамы вместо приветствия. Неудивительно, ведь я почти никогда не звоню ей в середине дня.

— Привет, мам, нет, всё отлично, — не очень убедительно вру я, — просто у меня сейчас перерыв, и я захотела услышать твой голос.

— Ох, детка, — на другом конце провода скрипит кресло.

— Я понимаю, что это всё волнительно, и как бы я хотела быть рядом с тобой... Но всё будет хорошо, и волноваться — это нормально.

— Знаю, мам, — проглатывая слёзы, отвечаю я. — Просто... просто я не ожидала, что окажусь такой слабой.

— Ты не слабая, Мори. Никогда не думай так о себе. В первый раз всегда страшно, но я уверена, что тебе понравится твоя поездка, и ты будешь путешествовать постоянно, как мы мечтали, когда ты была маленькой.

— Да, — тихо смеюсь я. В библиотеке сейчас мало студентов, так что я никому, к счастью, не мешаю. — Мне не хватает твоих сказок. Особенно про девушку, попавшую в другой мир.

Эту сказку мама рассказала мне впервые, когда мне было шесть лет. Я знаю, что она придумала её, и такой сказки не найти ни в одной книге, но именно поэтому она мне нравится. Это была наша сказка. Я знаю её наизусть и уже сама рассказывала маме эту историю. Историю о девушке из бедной семьи далёкого волшебного королевства, влюбившуюся в прекрасного юношу, который оказался тёмным волшебником. Спасаясь от преследователей, девушка переносится в другой мир, очень похожий на наш, и с тех пор она не оставляет попыток вернуться домой, несмотря на то, что в новом мире у неё появляется любимый человек и ребёнок. Конца у этой сказки нет, потому что мы каждый раз меняем его.

— Папа прислал мне вчера статью о ядовитых насекомых,

обитающих в Новой Гвинее, и сказал принять все необходимые меры для защиты.

— О да, твой отец с тех пор, как ты сказала, что улетаешь, каждый вечер изучает всё об этой стране: политику, культуру, медицину, историю. Я почти не общаюсь со своим мужем, Мори. Днём он на работе, а вечером ему составляет компанию ноутбук вместо законной жены.

— Папа принимает всё близко к сердцу, — с улыбкой отвечаю я, представляя, как мой отец вечерами сидит на нашей кухне в очках и усердно читает информацию, которая пригодится мне в поездке.

— И в кого он такой! — смеётся мама. — Точно не в нас с тобой.

— Это да, — мамин смех — лучшее успокоительное, что есть в этом мире. — Мама, я так рада слышать тебя, спасибо, что ответила на звонок.

— Ну что ты, милая, как же я могу не ответить?

— Я скучаю.

— И я скучаю, сильно-сильно.

— Люблю тебя, мама, и передай папе, что я тоже люблю его.

— А мы любим тебя ещё сильнее, дочка.

***

От эскалатора до стойки регистрации — сорок семь шагов. Я считала. Не потому что хотела — просто мозг, перегруженный тревогой, ухватился за единственное занятие, не

требовавшее эмоций. Шаги. Один, два, три... Сорок семь. Ровно. На сорок седьмом я упёрлась в оградительную ленту и оказалась перед девушкой в униформе авиакомпании, которая смотрела на меня так, будто я опоздала. Хотя до посадки оставалось ещё два часа.

— Паспорт и билет.

Я протянула документы. Пальцы дрожали из-за странного напряжения, которое скопилось где-то между рёбрами и не находило выхода. Мой путь был длинный. Очень длинный. Нью-Йорк — Лос-Анджелес — Сан-Франциско — Манила — Порт-Морсби — Лаэ. Пять пересадок. Три страны. Три континента. Один конечный пункт — город на побережье Папуа — Новой Гвинеи, о котором я и мечтать не могла.

Девушка за стойкой пробежала глазами по экрану, поколдовала над клавиатурой и выдала мне стопку посадочных талонов — каждый как маленький билет в неизвестность. Последний, самый тонкий, на рейс из Порт-Морсби в Лаэ, она даже не положила их в конверт, а просто протянула отдельно.

— Нужна помощь с багажом? — с фирменной улыбкой спрашивает она.

— Нет. Спасибо.

Один чемодан — на целый семестр. В нём всё: одежда, гигиенические принадлежности, небольшая аптечка, несколько тетрадей и ручки с карандашами, ноутбук, запасные батарейки, фотоаппарат, один любимый роман — просто так, для души, — потрёпанный томик «Унесенные ветром», ко-

торый я положила в сумку в последнюю минуту, прошептав: «На всякий случай».

Предполетный досмотр. Очередь. Снять ботинки. Выложить ноутбук. Пройти через рамку. Одеться. Собраться. Очередь. Снова очередь. Аэропорт Кеннеди, как всегда, был переполнен. Толпы людей, чемоданы, объявления, запах кофе и дезинфекции, детский плач и громкий смех у бара — всё это сливалось в единый гул. Я шла сквозь него, будто сквозь воду: всё вокруг двигалось, а я оставалась неподвижной. Или, наоборот, это я была в движении, а мир застыл. Не знаю. Но когда я наконец нашла свой гейт и села в холодное кресло у окна, руки наконец перестали трястись

Я достала из сумочки телефон. Четыре сообщения.

Элис: «Ты уже там??? Не забудь прислать фотку из самолета!!! Я буду жить твоими фотками эти месяцы, серьезно, это единственное, что меня спасет от скуки без тебя».

Рита: «Удачи, подруга! Вернешься — расскажешь всё. И привези мне что-нибудь этакое, ладно? Что-нибудь настоящее, не магнитик с видом».

Мама: «Позвони, когда сядешь в Лаэ. Я буду ждать. Я люблю тебя».

И последнее, без подписи, от номера, который я не хотела видеть, но не удалила, потому что удалять — значит признать, что он что-то значит. Нолан. «Счастливого пути. Новая Гвинея — это ведь там дикари? Тебе должно понравиться». Я стёрла сообщение. Потом заблокировала номер. По-

том разблокировала. Потом снова заблокировала. И сунула телефон в карман, потому что гейт открыли и люди начали подниматься.

Шесть часов четыре минуты над континентом, который медленно менял цвет с зелёного на жёлтый, с жёлтого на рыжий, с рыжего на серый. Я сидела у иллюминатора и смотрела, как мой дом уходит назад — дома, дороги, поля, горы, пустыня. Стюардесса принесла нам напитки. Я взяла простую воду без газов, но пить не хотелось. Сосед справа — пожилой мужчина в ковбойской шляпе — храпел так, что вибрировало кресло и моя нервная система. Я надела наушники и включила музыку — альбом моей любимой группы, чтобы не думать.

Не помогло. Я думала. Думала о том, что через несколько месяцев, возможно, вернусь другим человеком. Не знаю, сильно ли на меня повлияет эта поездка. Знаю только одно: хочу написать историю. Настоящую. Стоящую. Такую, от которой люди не смогут оторваться. И для этого мне нужно уехать. Далеко. Туда, где никто не знает ни моего имени, ни Нолана, ни того, что случилось.

В Лос-Анджелесе я провела меньше часа в транзитной зоне — достаточно, чтобы выпить отвратительный кофе, прислать Элис селфи с гейта и понять, что ноги уже гудят, а это только начало.

Короткий перелёт — час с небольшим. Небо было чистое, и внизу, когда мы снижались, Сан-Франциско лежал в закат-

ном свете, как открытка: мост «Золотые ворота», залив, туман, ползущий по холмам. Очень красиво, я упёрлась лбом в стекло иллюминатора и подумала: я даже не выйду из аэропорта. Просто сяду на следующий рейс и улечу ещё дальше. А жаль, мне бы очень хотелось прогуляться по этому городу. Моя жизнь на время превратилась в серию металлических труб, несущихся сквозь небо.

В Сан-Франциско я остановилась у большого окна в терминале международных рейсов и смотрю, как садится солнце. Залив горел розовым. Я сделала фото — для Элис, для себя, для доказательства, что я была здесь, между прошлым и будущим.

Потом объявили посадку. Рейс до Манилы. Четырнадцать часов над Тихим океаном. Я взяла сумку, перекинула её через плечо и пошла.

Четырнадцать часов. Я повторяла это про себя, как мантру. Четырнадцать часов — и я буду в Азии. Ещё на один шаг ближе к цели.

Моё место — у иллюминатора, двадцать третий ряд. Моя соседка — женщина средних лет с добрыми глазами и филиппинским паспортом. Когда я села, она улыбнулась и спросила: «Далеко летишь?» Я ответила, что очень. Она кивнула, ей этого было достаточно.

Когда самолёт поднялся в воздух, земля под нами растворилась, сменившись бескрайним серо-синим океаном без единого разрыва. Я надела наушники, включила музыку и

закрыла глаза.

Первые часы полёта прошли спокойно. Стюардессы принесли обед: курицу или рыбу. Я выбрала рыбу. И еда оказалась довольно-таки вкусной, а может быть, я просто очень голодная. Затем я включила фильм на маленьком экране, не смотрела его раньше, он на английском с субтитрами на тагальском языке, я не люблю такой жанр, но мне просто захотелось занять глаза. После этого я погрузилась в полудрёму, когда кажется, что спишь, но при этом слышишь каждый звук двигателей, шёпот пассажиров.

Я не знаю, сколько времени прошло с той минуты, как я задремала. Часы на экране показывают нечто странное: местное время, время отправления и время прибытия — все они разные, и я не могу определить, какое из них настоящее. За иллюминатором было темно. Океан исчез или просто растворился в черноте, как будто его никогда и не было.

Вдруг в окне что-то резко сверкнуло, и я оторвалась от фильма, чтобы присмотреться. Впереди, далеко на горизонте, проглядывались тучи — тёмные, тяжёлые, опасные. Они не были похожи на обычные грозовые облака. Те собираются постепенно, слой за слоем, и ты видишь, как они растут. Эти были другие. Они нависли над океаном, словно гигантская воронка водоворота — только вместо воды кружился сам воздух, сплетая небо в плотную, зловещую спираль. Они не просто плыли — они вращались, медленно и неумолимо, будто затягивали в себя само пространство.

Слои облаков перетекали друг в друга, как тяжёлые масляные потоки: угольно-чёрные внизу, иссиня-фиолетовые посередине, а по краям — пепельно-серые, будто выгоревшие от внутреннего жара. Края воронки были неровными, рваными, похожими на зазубренные лезвия, и постоянно меняли форму: то вытягивались длинными щупальцами, то схлопывались, чтобы тут же развернуться с новой силой.

Внутри этой спирали пульсировал странный свет — не золотистый, как у обычной грозы, а тёмно-пурпурный. Он то накатывал волной, то отступал, обнажая глубокие, зияющие пустоты в толще туч.

Молнии не били вниз — они извивались внутри воронки, повторяя её спиральный узор, словно светящиеся вены в теле чудовища. Они не вспыхивали, а текли — длинными, тягучими разрядами, оставлявшими после себя едва заметный пурпурно-фиолетовый шлейф, который медленно растворялся в воздухе.

Я выпрямилась, сняла наушники и прижалась лбом к окну. Фиолетовое свечение пульсировало — то ярче, то слабее, то ярче — как сердцебиение.

Я посмотрела по сторонам. Соседка спит, откинув голову, рот приоткрыт, как и у большинства пассажиров самолета. Через проход мужчина читает книгу, делая пометки карандашом. Стюардесса в хвосте салона перебирает стаканчики. Никто не обращает внимания на то, что происходило за иллюминатором.

Я снова прижалась к стеклу. Тучи были ближе. Или нет — они не приближаются. Это мы летим к ним. Сердце забилось чаще, когда тело понимает раньше мозга, что что-то не так. Я повернулась к соседке. Она по-прежнему спит. Может, стоит разбудить её, показать — но что я скажу? «Посмотрите на эти фиолетовые тучи, которые вы, наверное, не видите»? Она решит, что я сумасшедшая, и, может быть, окажется права.

Я снова посмотрела в иллюминатор. Тучи были прямо по курсу. Близко. Слишком близко. И они были огромны — не горизонтальные, а вертикальные столбы, уходящие вверх и вниз, будто стена, будто портал, будто дверь в сам ад.

Самолёт тряхнуло. Не сильно — так, как трясёт на неровной дороге. Я схватилась за подлокотник. Соседка вздрогнула и проснулась.

— Турбулентность? — пробормотала она сонным голосом, моргая.

Я собралась ответить, но в этот момент самолёт тряхнуло снова — сильнее, резче, стаканчик на откидном столике соседки опрокинулся, и вода полилась на её колени. Она вскрикнула, и в эту же секунду погас свет.

Не везде — сначала в салоне. Лампы, индивидуальные подсветки, экраны — всё разом, будто кто-то выдернул штепсель. Темнота — не полная, потому что за иллюминатором всё ещё пульсировало то фиолетовое свечение, и оно было единственным источником света в самолёте, и от него

тени ложились неправильно — не туда, не так, как от обычного света. Они ползли по стенкам салона, по лицам пассажиров, по потолку — длинные, изломанные, будто живые.

Потом загорелось аварийное освещение — тусклое, жёлтое, мигающее. И в этом свете я увидела лица.

Люди просыпались. Люди кричали. Ребёнок на несколько рядов впереди заплакал, и его плач пробивался сквозь гул, как острый нож. Мужчина с книгой уронил карандаш и теперь обеими руками держался за подлокотники, костяшки его пальцев были слишком белые. Стюардесса — та, из хвоста — шла по проходу, и её лицо было спокойным, но глаза... Я видела, что она не знает, что делать, потому что это не было обычной турбулентностью, и она это понимала, и все понимали, но никто не говорил вслух. Всем было страшно.

— Леди и джентльмены, — послышался голос из динамиков. Ровный, профессиональный, немного отстранённый. — Это капитан. Мы входим в зону... непредсказуемой турбулентности. Пожалуйста, пристегните ремни... Оставайтесь на местах.

Пауза повисла в воздухе, тяжёлая, как предгрозовая тишина.

— Повторяю: оставайтесь на местах и не пытайтесь вставать. Мы делаем всё возможное, чтобы стабилизировать полёт. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

Самолёт сотрясало. Он не просто трясся — его буквально колотило. Создавалось впечатление, что мы оказались внут-

ри огромного барабана, по которому кто-то снаружи с силой бил кулаками. Подлокотник, к которому я прижимала руку, вибрировал так сильно, что пальцы начали неметь. Над головой раскрылся кислородный блок — маски повисли на трубках, как марионетки, раскачиваясь в такт ударам моего сердца.

Все пассажиры испуганно кричали. Их крик стал в воплощение ужаса, вырвавшегося наружу. В нём смешались молитвы, обрывки имён, бессвязные слова, которые люди выкрикивали, будто надеясь, что сами звуки смогут удержать самолёт в воздухе.

Потеря контроля… Это чувство расползалось по салону проникая под кожу. Огромная железная птица больше не слушалась ни пилотов, ни законов физики — она стала игрушкой в руках чего-то чудовищного. Полная беспомощность сковывала тяжелее любого ремня безопасности: ты пристёгнут, ты ничего не можешь сделать, ты просто ждёшь, когда небо решит, жить тебе или умереть.

Самолёт швырнуло в сторону — резко, с хрустом металла, от которого у меня внутри всё оборвалось. Кресла застонали, как живые. Над нашими головами с треском раскрылись багажные полки, и оттуда посыпалось всё, что люди так старательно прятали наверх: сумки, куртки, детские игрушки — всё это летело вниз, превращаясь в снаряды. Я успела лишь вжаться в сиденье, прикрыв голову руками, когда рядом с виском сидящей рядом со мной филиппинки просви-

стела чья-то дорожная косметичка, врезавшись в перегородку с глухим стуком.

Вот тебе и первый полёт на самолёте, Мори Дэвис! Может, технически уже не первый, но переживу ли я весь этот ужас и смогу ли я целой и невредимой добраться до Лаэ? А если нет? Что будет с моими родителями? Да они же с ума сойдут от горя. Нет, нельзя так думать. Я не умру! Не умру в этом чёртовом самолёте! Скоро мы приземлимся в аэропорту Порт-Морсби, и я позвоню маме.

Капитан снова включил связь. Голос — другой. Не ровный. Не профессиональный. Человеческий.

— Мы... мы не можем... диспетчер не отвечает. Радар... — помехи. Треск. И сквозь треск — последнее, что я разобрала: — ...нет на карте. Нас нет на карте.

Соседка рядом со мной начала молиться. Тихо, быстро, на тагальском — я не понимала слов, но так молятся, когда надежда покидает тебя. Её руки сжимали чётки так, что костяшки стали белыми, а бусины впились в ладони.

Еще один удар. Сильнее всех предыдущих. Повеяло холодом, таким холодом, что кожа покрылась мурашками в один слой, мгновенно. А потом — этот звук. Не гул, не рёв — вой. И этот крик был везде: снаружи и внутри, в ушах и в груди, в каждой клеточке моего тела.

Самолёт резко ушёл вниз — просто провалился, будто из-под него выдернули пол. Желудок подпрыгнул к горлу.

Люди кричали. Все. Громко, отчаянно. Женщина впереди

вцепилась в мужа. Мужчина напротив прижал к себе ребёнка. Стюардесса упала в проход — её отбросило к хвостовым креслам, и она лежала там не двигаясь.

— Господи, — прошептала я, всхлипывая, пытаясь понять, дышит ли она. Всем остальным было плевать. Они думали только о собственной безопасности.

Фиолетовый свет заливал всё: океан, небо, тучи, самолёт. Молнии били прямо в корпус самолёта — не в крылья и не в хвост, а в фюзеляж. Каждый разряд сопровождался громким треском, а самолёт трясло всё сильнее. Я отчётливо увидела, как горизонт начал наклоняться, как океан поднялся вертикально.

Я пытаюсь закричать, но не могу издать ни звука. Хочу закрыть глаза, но они остаются открытыми, как будто кто-то удерживает их в таком положении, заставляя меня видеть каждую деталь этого ужаса. И я вижу. Вижу, как салон заполняет фиолетовый свет, исходящий из иллюминатора, и в этом неестественном свете лица пассажиров приобрели пугающий, нечеловеческий вид.

Последнее, что я запомню, — лица. Не отдельные черты, а все вместе. Страх, застывший в глазах каждого, был не маской и не позерством, а истинной, обнаженной, первобытной правдой, которая вскрывала человека до самого нутра. Раскрытые рты, широко распахнутые глаза, слезы.

И вот она, темнота! Абсолютная, глухая, без снов, без образов, без ощущения времени. Как будто кто-то выключил

меня. Выдернул зарядный провод. И я — всё, чем я являюсь, — провалилось в чёрную, бездонную пустоту.

Глава 2

— Да не русалка это! У русалки хвост как у рыбы, огромный, переливается на солнце. А тут ноги! Две ноги, самые обычные, человеческие…

— Тогда нимфа, точно тебе говорю, нимфа. Только что они в наших краях забыли? Ишь, забралась в такую даль…

Мне было всё равно, кем они меня считают. Главное — чтобы не ушли. Чтобы не оставили здесь.

— Дедушка, это просто человек. И нечего тут гадать. Давай лучше поможем. Вроде жива ещё — смотри, спина поднимается, дышит…

— Тео, ты что, с ума сошёл?! — В низком голосе слышался страх. — А если не человек? Так и беду на наши головы накличем, да не только на себя — на всю семью, на весь род!

Я чувствовала, как по щеке ползёт капля — то ли солёная вода, то ли слеза. Всё смешалось: небо и море, самолёт и берег, прошлое и это странное сейчас, в котором меня обсуждали, как вещь, которую надо либо забрать, либо оставить гнить на песке.

— И что, бросим её здесь? — В тонком голосе Тео вспыхнула злость, острая как игла.

— Да тут ни души на много миль вокруг! Как она тогда здесь оказалась, да ещё в таком одеянии?

— Может, корабль затонул. Ночью вон какой шторм был. Её, наверное, на берег выбросило. Но нельзя её здесь оставлять… Нельзя!

Я хотела сказать: «Это не корабль. Это самолёт. Не оставляйте меня здесь!». Но вместо слов из груди вырвался только тихий, едва слышный хрип — и его никто не услышал.

— Не хочешь помогать — так я пойду за помощью, сбегаю, и бабушке всё расскажу, — мальчик почти кричал. — Сам перед ней будешь отвечать.

— Погоди, погоди… Не надо бабушке ничего говорить, — голос мужчины звучал торопливо, видно, бабушку он боялся сильнее русалки и нимфы. — Ты это… Лучше Зубу подгони поближе. Девушка-то хоть и худенькая, да очень длинная — точно не из здешних. И волосы… Посмотри, какие волосы — как снег. Где ж ты такие видел?

— А у королевской семьи разве не светлые волосы? — тихо спросил мальчик.

— Точно, Тео… Ты прав, — старик снова вздохнул. — А вдруг она и правда не русалка, не нимфа… А просто человек, да только королевской крови? И если мы её тут оставим… Нет, не пойдёт. Нельзя так… Давай за Зубой! Положим её в повозку, отвезём в деревню. Там местные лекари скажут, кто она и что с ней делать. Может, и правда просто человек… А может…

Кто-то схватил меня под плечи — грубо, неловко — и потащил вперёд. Руки, державшие меня, были большими, шер-

шавыми, с запахом рыбы и дыма. Веки налились свинцом, и каждый раз, когда я пыталась их поднять, мир кружился, вызывая приступ тошноты.

В ушах стоял гул, напоминающий шум океана. Теперь этот шум был внутри меня, он бился в голове волнами, каждая из которых затуманивала сознание, а затем возвращала его, как мерцающая лампочка, готовая погаснуть.

Тело казалось тяжёлым, словно его залили бетоном. Я не могла пошевелиться, ни поднять голову, ни двинуть руками или ногами. Чувствовала, как влажный песок впивается в живот сквозь тонкую ткань задравшегося топа. Каждый камешек, каждая ракушка причиняли боль, и от этого хотелось плакать, но в то же время я испытывала благодарность. Потому что боль означала, что я ещё здесь. Что я жива. Ведь правда?

— Давай, помоги мне её перевернуть, вот так!

Меня резко перевернули, и под рёбрами слева что-то кольнуло так остро, что из горла сам собой вырвался стон.

— Жива… жива… — причитал мужской голос. — Держи её за ноги… и раз!

Меня снова подняли за подмышки, хватка была крепкой, уверенной, а чьи-то маленькие руки осторожно схватили меня за лодыжки. Сквозь дрожащие ресницы в глаза пробился розовый солнечный свет — яркий, почти режущий. Мокрую кожу на лице приятно охладил ветерок, и на секунду мне показалось, что всё будет хорошо.

Я почувствовала, как тело отрывается от земли, а через несколько секунд опускается на что-то твёрдое и ровное.

— Доедем до деревни, а дальше посмотрим… староста скажет, что делать. Но если это нимфа, то спаси нас Телесса от страшных проклятий!

— Она просто человек, — приглушённо раздался детский голос над правым ухом, и тёплая маленькая рука осторожно прикоснулась к моему лбу. — Только вот наряд у неё странный. Может, она с юга? Ни разу не видел южан.

— Не похожа она на южанку, у них кожа темнее, а эта белая, как молоко. Я бы предположил, что с севера, да вряд ли она бы здесь оказалась. Упаси нас Фламрина, если это исчадие из…

— Точно не оттуда! Да что гадать! Давай я возьму вожжи, а ты следи за ней. С твоей спиной с Зубой не справиться.

— И то верно, мальчик мой.

Послышалось копошение, скрип дерева, фырканье лошади. Место, куда меня положили, закачалось из стороны в сторону, словно лодка на волнах. Мы тронулись с места, подскакивая на неровной дороге, и каждый толчок отдавался в теле тупой, ноющей болью.

Наверно, когда самолёт упал в воду, меня вынесло на берег, и местные нашли меня. Конечно, я не похожа на южанку. Да и вообще ни на кого из тех, кто живет здесь. Но почему они сперва решили, что я русалка или нимфа? Может, на этих островах есть какие-нибудь ритуалы, связанные с эти-

ми магическими существами? Не важно. Наверняка все уже в курсе, что в океан упал самолёт, и как только меня довезут до их деревни… поселения… племени… меня сразу же передадут местным властям, и я смогу связаться с семьёй.

Представляю, как переживают родители, когда узнали, что самолёт потерпел крушение. Сердце сжалось от этой мысли, и мне захотелось немедленно оказаться рядом с ними, обнять их, сказать, что я жива. Но я жива, и скоро дам им знать о себе.

Я не знала, куда меня везут. Не знала, кто эти люди. Но сейчас это не имело значения. Главное — меня не бросили. Темнота снова зовет меня, мягкая и обволакивающая, обещая, что боль хоть ненадолго уйдёт. Я не стала сопротивляться. А когда проснусь — разберусь со всем.

***

— Бедная девочка! — произнес кто-то мягким голосом, вырвав меня из манящей тишины и покоя. — У нее голова разбита, останется шрам, и королевскому двору она будет не мила.

— Пусть благодарит Телессу, что осталась жива и цела. И Моридану подношение сделает за то, что не тронул ее. А ты веришь, что она не из этих?

— Тьфу на тебя! Пьяница проблудный! —рявкнул женский голос. — Столько лет на свете живёшь, а всё феями и русалками бредишь. Да не водятся они в наших краях, лысая твоя башка! Человек она! Ч-Е-Л-О-В-Е-К!

— Да понял я! — пробурчал знакомый голос. — Ну а что? Вдруг…

— Послала Тео в башню, — женщина уже не кричала, наоборот, ее голос был усталым, — староста велел отправить с эмброном послание в Фульменаркс. Говорят, туда сам королевский герцог приехал по делам. Может, выделит денёк-другой да приедет сюда, опознает несчастную. Перевозить-то её не следует — на лбу вон какая рана…

— Ага, сам герцог Его Величества приедет в нашу провинцию из-за какой-то непонятной девчонки! А ты это… случаем не слышала — эта девчонка королевской крови? Может, и нам что перепадёт за спасение?

— Тебе бы только выгоду получить, старый оболдуй!

— Ну а что? У короля денег что ли мало? А если мы его родственницу спасли, так ведь и заслужили…

— Вот и подождём, пока герцог приедет. Староста сказал присматривать за ней. И раз твоя дурья башка и Тео нашли её, так всё упало на мои плечи. И всё же жаль девочку. Третьи сутки пошли, а она не очнётся никак. Если бы не дышала — подумала бы, что и правда в царство к Моридану отправилась… упаси нас Телесса!

Слова женщины эхом звучали в голове, как набат: «Третьи сутки пошли, а она не очнётся никак». Три дня. Три грёбаных дня я провалялась тут, как сломанная кукла. Мама. Папа. Элис. Рита. Они, наверное, уже с ума сходят. А я лежу и слушаю, как эти двое спорят, стоит ли моя жизнь пары

золотых монет.

Я стиснула кулаки — или попыталась. Пальцы не шевельнулись, но я хотела сжать их. Хотела почувствовать, что я ещё здесь. Они должны знать, что я не просто тело, не товар на торгах.

«Открой глаза. Просто открой. Хоть на миллиметр. Хоть чтобы увидеть, кто надо мной стоит».

Веки дрогнули. Свет ворвался, как нож — тусклый, жёлтый, пыльный и я зажмурилась. Но успела заметить: над лицом — ткань, грубая, выцветшая, натянутая, как навес.

Я снова потянулась к свету. Веки приоткрылись — на долю секунды, как щёлочки. Мелькнули очертания: женщина в простом светлом платье, её тёмные густые волосы с седыми прядями у висков были аккуратно собраны в пучок. Рядом с ней стоял мужчина, плечистый и небритый, с лицом, на котором отражались все тяготы жизни. Ему было явно за шестьдесят, его загорелая кожа покрыта глубокими морщинами, видимо он долгое время проводил на солнце и в воде.

Эти двое стоят надо мной, спорят, оценивают и ждут. Они не знают, кто я. Но я должна заставить их увидеть, что я жива.

— М-м… — мой голос прозвучал тихо и сипло. Я едва смогла его выдавить.

Женщина вздрогнула, повернулась — и её золотисто-ореховые глаза встретились с моими. В них мелькнули сначала испуг, потом облегчение.

— Эй! — она наклонилась, ее морщинистое лицо оказалось совсем близко. — Девочка, слышишь меня? Скажи ещё что-нибудь!

Я попыталась сказать — не вышло.

— Пить...

Старик шагнул ближе и навис, как тень.

— Она очнулась, — шёпотом произнёс он, будто до сих пор не верил. — Эй, ты кто? Откуда?

— Тише ты, — женщина шикнула на него, как на непослушного пса. — Дай ей прийти в себя.

Она протянула мне глиняную кружку, наполненную водой. Жидкость оказалась тёплой, с лёгким ароматом цветов и едва уловимой сладостью. Вкус песка и соли постепенно растворился, оставив после себя свежесть.

Кружка опустела, и я снова открыла глаза. Женщина смотрела на меня пристально. а старик стоял рядом, скрестив руки на груди.

— Кто… — мой голос всё ещё звучит хрипло. — Кто вы?

— Я Фрэя, — представилась она. — Это Грай — мой муж. Он и наш внук Тео нашли тебя на берегу моря и привезли сюда. Лекари осмотрели тебя, сильных повреждений нет, только рана на лбу… да заживет! Оставили тебя тут у нас, пока не решат, что с тобой делать.

— Где… я? — прошептала я.

— В деревне у города Церулеумвикуса, — бросила она, не глядя мне в глаза. — Шторм был такой, что небо рвалось

на куски. Ты ничего не помнишь?

Шторм. Перед глазами — пурпурная вспышка, странные облака и молнии. Голова взорвалась болью. В ушах загудело, как будто туда налили раскалённый свинец. Я дёрнулась, пальцы впились в грубую ткань простыни и реальность снова подломилась.

— Держись, девочка, — голос Фрэи пробился сквозь гул. — Герцог приедет. Он всё решит.

— Я… помню… шторм, — ответила я, выдавливая слова по одному. — Помню, как падала. И что-то было в небе…

Фрэя переглянулась с Граем. В этом взгляде проскочило что-то, от чего у меня внутри всё заледенело.

— Ладно, — сказала Фрэя, подталкивая подушку и помогая мне устроиться поудобнее. — Если помнишь шторм, значит, не всё потеряно. Держи глаза открытыми.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти врезаются в кожу.

— Больше не упаду, — процедила я сквозь зубы. — Не сейчас.

Тьма всё ещё тянула к себе, но я упиралась изо всех сил. Нужно сделать просто один большой вдох. Потом ещё один. И ещё. Пока я дышу — я не сдамся.

Я провалялась в постели еще два дня. Физически я была здорова, вроде бы, но чувствовала себя так паршиво, словно силы покинули меня. Фрэя приносила мне еду три раза в день, постоянно обновляя глиняный кувшин с водой. От запаха трав кружилась голова, и я ненароком подумала, что,

возможно, именно из-за этого у меня такая слабость, но Фрэя заявила, что этот запах не представляет опасности для людей, а лишь служит для отпугивания надоедливых насекомых. Что ж, отсутствие москитов – это большой плюс, потому что не представляю, как я бы с ними справилась здесь без специального спрея.

На мои вопросы о том, когда я смогу поговорить с кем-нибудь из администрации или из местной полиции, муж с женой лишь неуверенно пожимали плечами, приговаривая, что из-за потрясения у меня помутился рассудок и я несу какую-то чушь. И что со дня на день их посетит герцог и он всё решит. Очень надеюсь, что меня наконец перевезут в город в нормальную больницу, где возьмут все анализы и помогут связаться с моей семьей.

Судя по оживлению, которое, как я слышала, происходило снаружи, герцог всё-таки приехал. Я нахожусь здесь уже более недели. По моим подсчётам, сегодня девятый день, хотя я могу ошибаться.

Фрэя надела парадное платье — из светлой ткани с голубоватым оттенком, украшенное жёлтой вышивкой. Оно выглядело так, будто его шили в другой эпохе, а потом бережно хранили в шкафу. Грай облачился в костюм из той же ткани, но он сидел на нём так, словно его шили для кого-то меньшего. Очевидно, парадные наряды у них доставали только по большим случаям. А больших случаев, похоже, давно не случалось.

Меня тоже переодели — в странное платье, больше похожее на халат из грубой белой ткани, которая царапала кожу. Пока я лежала в постели, о ванне не могло быть и речи. Всё сводилось к ночному горшку, и этот унизительный ритуал я ненавидела больше всего. Фрэя убирала за мной без тени брезгливости, будто это самое обычное дело. А когда я, сгорая от стыда, спросила, где тут нормальный туалет, она только вздохнула и покачала головой:

— Бедная девочка… Совсем разум помутился.

И вот это «бедная девочка» звучало хуже любой ругани.

С моим нижним бельём у Фрэи вообще случилась настоящая паника. Она смотрела на бюстгальтер так, будто он мог ожить и вцепиться ей в горло. Но всё-таки постирала вещи, аккуратно сложила стопочкой на стуле у кровати и, понизив голос, посоветовала не разгуливать по деревне в одном лифчике и трусах:

— Соседи-то решат, что ты русалка или нимфа. А то и хуже.

Как будто мне хотелось устраивать парад в нижнем белье! Но климат здесь был такой, что через десять минут спина покрывалась липкой испариной. Я мечтала только об одном — сорвать с себя это платье-халат и нырнуть в деревянную бочку с прохладной водой, которую они использовали вместо ванны.

Когда я невнятно пробормотала что-то про душ, Фрэя и Грай обменялись взглядами, словно я попросила их сотво-

рить чудо.

— Душ? Это же королевская привилегия, — проворчал Грай, почесывая затылок.

А я смотрела на них и понимала: для них это действительно что-то из другой жизни. Из мира, где есть горячая вода, нормальные туалеты и врачи, которые не считают тебя сумасшедшей.

Тот самый герцог явился ближе к вечеру — и у меня челюсть реально рухнула куда-то на пол. Я понимаю, что нахожусь в другой стране, в Новой Гвинее, в глухой деревне, после авиакатастрофы. Меня потряс культурный шок, языковой барьер и странные обычаи. Всё это казалось мне более чем необычным. Хотя я не выходила из дома, где за мной ухаживали, у меня были предположения о том, что здесь всё по-другому. Но я не ожидала, что настолько.

Он вошёл уверенным шагом. Красивый. Ему лет тридцать пять, не больше. Но в нём есть эта зрелая, тяжёлая уверенность. От неё у меня всё сжалось внутри. Его пшеничные волосы с лёгкой волной ловили косые лучи, пробивавшиеся сквозь мутное окно. Солнце, казалось, задержалось именно на них. Однако ещё ярче сияли нашивки и ордена на его форме. Белая ткань была безупречно чистой. Золотистая вышивка на воротнике и манжетах представляла собой тонкие, изящные узоры. Узкие штаны плотно облегали его длинные мускулистые ноги. Сапоги из белой кожи были начищены до зеркального блеска, и в них я видела своё отражение.

За ним в дом вошёл ещё один мужчина, одетый куда проще герцога — без золота и орденов, но всё же выглядит он состоятельнее, чем Грай и Фрэя. Вероятно, это староста деревни. Вслед за старостой проскользнул мальчик лет двенадцати: загорелый, с тёмными волосами, взъерошенными в разные стороны, и блестящими, как бусины, тёмными глазами, в которых читается чистейшее любопытство. А это внук Грая и Фрэи.

Тео улыбнулся, помахал рукой и тут же спрятался за бабушку, словно боялся, что его накажут за это. И всё же я не удержалась от улыбки — пусть даже на мгновение, но эта искренняя детская непосредственность прогнала с моего лица тень ужаса.

Герцог кашлянул. Я вздрогнула и обратила взгляд с мальчика на него.

— Позвольте представиться: я герцог Его Величества Фредерик Келдрайн, — он склонился в безупречном поклоне, но не отвёл от меня взгляда своих серых глаз.

Ладно, признаюсь: он просто красавчик. И эти старомодные манеры, отточенные до совершенства, только добавляют ему притягательности. Где он набрался этого в Маниле? Подождите… Он сказал «герцог Его Величества»? То есть короля?

— Здравствуйте, — поздоровалась я, пытаясь встать с кровати. Перед глазами всё закружилось, и я на мгновение закрыла глаза. — Меня зовут Мори Рейн Дэвис, я из США,

штат Нью-Йорк. Я летела из Сан-Франциско в Манилу, но наш самолёт попал в шторм, и мы начали падать. Больше я ничего не помню, только то, что очнулась здесь. Пожалуйста, помогите мне связаться с семьёй, они очень волнуются!

— Я же говорил, Ваша Светлость, — глухо произнёс человек за спиной герцога. — У девушки, похоже, проблемы с рассудком. Может, это проделки русалок? Кто знает? Наш рыбак Грэй и его внук нашли её на берегу моря…

— Я прочитал ваше послание, староста, — строго прервал его Фредерик, не сводя с меня взгляда. — Откуда вы говорите, миледи?

— Из Нью-Йорка, сэр! Я учусь в Колумбийском университете и летела на практику в Новую Гвинею…

— Подождите, — молодой человек поднял руку в белоснежной перчатке, заставив меня замолчать. — Значит, вы из королевства Нью-Йорка? Впервые слышу о таком.

— Не королевства, — я замотала головой. — Это город. Вы разве никогда о нём не слышали?

— Признаюсь, нет, — вежливо ответил он. — И… вы летели в королевство Новую… как вы сказали?

— Новая Гвинея, но это не королевство, — перед глазами всё начало плыть, и я почувствовала, как накатывает паника. Мне совсем не нравится этот разговор.

— Миледи, прошу, присядьте, — герцог сделал два быстрых шага и помог мне сесть на кровать. — Главное, не волнуйтесь. Принесите воды! — крикнул он остальным и повер-

нулся ко мне. — Когда вы сказали «летели», вы имели в виду свои крылья? — он на секунду скользнул взглядом мне за спину, словно и правда пытался разглядеть там спрятанные крылья.

— На самолёте! — мой голос сорвался на крик, и я почувствовала, как горячие слёзы катятся по щекам, оставляя мокрые дорожки. — Это большая железная птица, которой управляют люди!

— Самолёте? — переспросил герцог.

— Да! — я судорожно всхлипнула, пытаясь упорядочить мысли. — Где я?

— Вы находитесь в королевстве Лордос, в его южно-восточной провинции, рядом с городом Церулеумвикус.

— Нет… — прошептала я, и слёзы полились уже без остановки, заливая лицо, капая на грубую ткань платья. — Этого не может быть. Такого королевства не существует!

— Я не могу точно сказать, но, возможно, на девушку и правда наложили заклинание, и она потеряла память, — Фрэя тяжело вздохнула, прижав ладони к груди. — Я заберу её с собой в Ауреваллум. Там её осмотрят королевские лекари и белые маги. Если это заклятие, они обязательно помогут.

Королевство Лордос, колдовство, белые маги, русалки... Похоже, я и правда потеряла рассудок или это просто чей-то глупый розыгрыш?

— Нет, — из моего горла вырвался истерический смех. — Это же шутка, правда? Никакого королевства Лордос не

существует! Его никогда не было и быть не может! Вы меня разыгрываете? Что вам нужно? Деньги? Я не из богатой семьи, но... Боже... Пожалуйста, помогите мне вернуться домой! В Нью-Йорк! Я хочу увидеть родителей и друзей!

Я схватила герцога за руку и начала трясти её так сильно, что перед глазами мелькали только его золотые ордена. А потом мир снова потемнел, сжался в одну чёрную точку — и я провалилась в тишину.

Это просто кошмарный сон. Точно. Я наверняка прямо сейчас лежу в больнице где-нибудь в Маниле, подключённая к каким-нибудь пищащим штукам, и переживаю самый ужасный момент в своей жизни. Потому что никакого королевства Лордос не существует. Люди вокруг меня — плод моего воображения. Мой мозг, кажется, решил устроить мне персональный ад.

Поэтому ладно. Раз уж мое сознание так настойчиво тащит меня по этому сюжету, я пройду его с высоко поднятой головой. Пусть этот бред будет моим испытанием.

Меня перенесли в повозку, и я никогда не видела ничего подобного. Она была сделана из полированного белого дерева с тончайшей резьбой в виде солнечных лучей и звезд. Массивные колеса с золотыми ободами и спицами блестели на солнце. Повозку запрягли парой серых коней в золотой сбруе. Они нетерпеливо фыркали, переступали с ноги на ногу и встряхивали гривами.

Кучер, одетый в безупречно белую форму и начищенные

до зеркального блеска сапоги, держался прямо, ожидая приказа герцога. А герцог легко вскочил на своего белого коня. Он поскакал вперед, не оглядываясь и не проверяя, следуем ли мы за ним.

Я лежала на мягкой подушке, прикрытая лёгкой простынё, и смотрела, как мне на прощание машут Фрэя, Грай и их маленький внук. Его тёмные глаза-пуговки ещё секунду радостно светились, а потом он снова спрятался за бабушку. Дом позади них из белого камня выглядел намного больше, чем мне казалось, когда я была внутри. Староста стоял чуть в стороне, с подозрением поглядывая на нас. Он явно испытал облегчение, что всё завершилось, и теперь он может спокойно вернуться к своим делам.

Вскоре люди, приютившие меня, скрылись из виду, и перед глазами поплыли одинаковые дома — ни грамма не отличавшиеся друг от друга. Потом исчезли и дома, и пейзаж перед моими глазами покачивающийся в такт повозке стал однообразным: мало деревьев, жёлтые поля, песчаная дорога. Солнце невыносимо печет, его лучи бьют прямо в лицо, и моё тело уже вспотело в этом неудобном платье, которое мне подарила на прощание Фрэя. А я ведь даже не поблагодарила ее за помощь…

Не знаю, сколько мы ехали. Пейзаж почти не менялся, только положение солнца постепенно смещалось. Теперь оно светило не сверху, а прямо в глаза. Я думаю, что мы едем на запад. Если, конечно, в этой реальности стороны света вооб-

ще имеют значение. Может, здесь север — это юг, а запад — это восток. А может, нет никакой географии, и есть только бесконечная дорога, которая ведет меня неизвестно куда.

Должно быть, я задремала. Когда открыла глаза, надо мной нависали тяжёлые ветви хвойных деревьев. Солнце давно село, и небо было невероятно ясным — таким звёздным, что у меня на секунду перехватило дыхание. Таких звёзд в Нью-Йорке точно не увидишь. Их тут слишком много, они слишком яркие, слишком близкие. Невероятно!

Посреди поляны горел костёр. Его искры взмывали высоко в небо и гасли, не долетая до звёзд.

Меня укрыли ещё одним одеялом — более плотным, тяжёлым, пахнущим дымом, травой и лошадьми. Я осталась в повозке, под высокими елями, а герцог и кучер устроились на небольшой поляне у берега реки. Скорее всего, это река, но в темноте сложно что-то нормально разглядеть, только слышался тихий, ровный шум воды, который смешивался с треском костра.

— Я послал эмброна в Ауреваллум, написал, чтобы ждали нас после обеда, — тихо проговорил кучер.

— Нужно выехать до восхода солнца. Как заедем за стены, я предупрежу Его Величество об этой девушке. Не знаю, кто она, но мы обязательно это выясним.

— Ваша Светлость, а если она шпионка… из этих…

— Не похожа она ни на них, ни на кого другого родом из Абиссума, — резко оборвал его герцог. — Нашли бы её

в западных или северных землях, я бы ещё заподозрил. Но не на востоке. В этих краях этим злобным выродкам делать нечего.

— Это да… — пролепетал кучер и широко зевнул. — Что ж, я, пожалуй, немного посплю, Ваша Светлость.

— Доброй ночи, — ответил герцог и поднял голову к небу.

И всё-таки он был безупречно красивым. Точёный профиль, высокий рост, широкие плечи, стройная талия, и эти светлые волнистые волосы выглядели так, словно он сошел с обложки модного журнала или только что вернулся с фотосессии для дорогого шампуня. Даже в полумраке, когда тени ложились на его лицо резкими, почти жестокими линиями, он выглядит так, будто его создали из света этих самых звезд над нашими головами.

«Хоть что-то в моём сознании получилось красивым», — подумала я с горькой усмешкой, продолжая завороженно пялиться на молодого герцога.

Только вот откуда в моей голове взялись эти странные названия: Лордос, Абиссум? Я никогда прежде не слышала ничего похожего. Ни в книгах, ни в фильмах, ни даже в самых безумных фантазиях. Ладно, чёрт с ними. Пусть будут просто словами. Надеюсь, в этом лесу нас не поджидают опасности, как обычно бывает в фильмах.

Я плотнее закуталась в одеяло. И где-то на краю сознания шевельнулась мысль, от которой стало не по себе: а что, если это не сон? Что, если я уже давно не в больнице в Маниле?

Но я тут же прогнала эту мысль. Если я начну сомневаться, что это кошмар, я утрачу последнюю надежду. Пусть будет сон. Пусть будет бред. Пусть будет что угодно — только не реальность.

— Просыпайтесь, миледи. — Из сладкого, тягучего полусна меня выдернул незнакомый голос.

Сначала я приоткрыла правый глаз, потом левый, зажмурилась, снова открыла оба глаза одновременно. Чёрт побери! Я всё ещё в этом кошмаре! Ни больницы, ни капельниц, ни Манилы — только этот лес, эта повозка и небо, которое уже светлело, окрашивая горизонт оранжевыми и нежно-розовыми полосами. Солнце ещё не взошло.

— Позвольте мне помочь вам подняться, — кучер протянул руку.

Я вгляделась в него — и поняла, что он куда моложе, чем мне показалось вчера. Мой ровесник, а может, и младше. Самый обычный парень, ничем не выделяющийся среди других. Не то что тот светловолосый красавчик… А кстати, где он? Его куртка, украшенная золотыми нашивками и орденами, одиноко покоится на камнях у реки.

— Спасибо, — пробормотала я, с трудом подтягиваясь в сидячее положение, и вложила свою ладонь в его тёплую, чуть шершавую руку.

— Вы замёрзли? — с беспокойством спросил он.

— Нет, не очень… Всё в порядке, — ответила я. Тело ныло от неудобной позы после сна на твёрдой поверхности, но-

ги закоченели от холода и сырости.

Я с трудом спустилась с повозки, и стоило босым ступням коснуться травы, всё ещё влажной от росы, и усыпанных сосновыми иголками и шишками, как перед глазами снова всё поплыло. Свободной рукой я вцепилась в край повозки, чтобы не рухнуть прямо тут.

— Можете умыться у реки, — парень аккуратно обошёл меня сбоку и подхватил под руку. Я благодарно оперлась на его плечо, чувствуя, как под его рубашкой перекатываются мышцы. Он держал меня крепко, но бережно.

— Я приготовил скромный завтрак. Наловил несколько мелких рыбёшек, заварил отвар из хвои. Его Светлость ушёл проверять ловушки — может, туда угодили кролики или ещё какая дичь. Но готовить времени, к сожалению, нет.

Я покосилась на то место, где ночью горел костёр. На остывших углях лежали четыре маленькие рыбки. Желудок тут же подпрыгнул к горлу, и к нему подкатила тошнота. Если герцог вернётся с кроликом и скажет, что мы должны съесть его прямо так, сырым, меня точно вырвет.

— Я не голодна, спасибо, — солгала я, продолжая идти. Иголки, шишки и мелкие камни больно впивались в мои ступни.

— Но, миледи…

— Мори, — резко оборвала я его. — Моё имя — Мори.

— Но я не смею… — на его лице промелькнули испуг и замешательство.

— Почему? Тем более я сама прошу. Это имя дали мне родители при рождении, какая тут проблема?

— Простите, миледи, но так нельзя. Я с пяти лет служу Его Величеству во дворце и уж обычную крестьянку от благородной дамы отличу. Пусть ваши руки и холодные, как вода в этой реке, но они нежные. А у крестьянки ладони грубые, в мозолях.

Он был прав. Мои руки никогда не знали тяжёлой работы.

— Хорошо, — согласилась я, потому что спорить не было сил. — Тогда давай так: когда мы одни, зови меня Мори. Это моя просьба. Обещаю, никому не скажу. А в присутствии герцога называй как положено — мне всё равно. Кстати, как тебя зовут?

Он чуть замялся и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Кай.

— Приятно познакомиться, Кай, — я искренне улыбнулась новому знакомому.

Он кивнул, слегка склонив голову.

— Пойдёмте к воде, — тихо сказал Кай, снова поддерживая меня под локоть. — Умоетесь — станет легче.

Я опустилась на колени у самой кромки реки, зачерпнула ладонью воду и плеснула в лицо. Холод полоснул по коже, словно ледяная плеть, и от этого стало немного легче. Потом я наклонилась и сделала несколько жадных глотков. Вода была ледяной, с горьковатым привкусом камней и мха, но это было в тысячу раз лучше, чем терпкий хвойный отвар,

который Кай так старательно заваривал. Я даже не пыталась скрыть, что не хочу его пить.

Я ещё раз сполоснула лицо, вытерла рот подолом платья и поднялась, чувствуя, как острые сосновые иголки и мелкие камушки впиваются в ступни. Ноги перестали ощущать холод, словно они стали такими же ледяными, как вода в реке.

Как раз в этот момент из-за деревьев неторопливо вышел герцог.

На нём была только рубашка старинного фасона — простая, но из дорогой ткани, которая мягко облегала тело. Ткань местами прилипла к коже, подчёркивая каждый изгиб его мышц: широкую грудь, рельефные плечи, твёрдые линии живота, где напряжённые мышцы переходили в едва заметную дорожку, сбегавшую вниз. Рукава были закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья, покрытые тонкими светлыми волосками и старыми шрамами.

Я поймала себя на том, что разглядываю его, и тут же опустила глаза, но образ уже отпечатался: его осанка была уверенной и чуть хищной. Тонкая вена на шее пульсировала над воротником. Из-под расстёгнутой рубашки виднелся крупный изумруд. Он был надет на толстую золотую цепь, массивную и дорогую.

— Пора в путь, — спокойно произнёс он, останавливаясь в нескольких шагах от нас. Его глаза изучали меня с ног до головы и мне стало неловко от этого взгляда. Я смущённо опустила глаза, чувствуя, как щёки заливаются краской.

Кай тут же засуетился: быстро собрал остатки вещей, проверил упряжь, подтянул ремни на лошадях. Лошади фыркали, переступали, встряхивали головами, и золотые сбруи тихо звенели, как маленькие колокольчики, нарушая утреннюю тишину.

— Вы не поели, — тихо сказал Кай, подходя ко мне и протягивая свёрнутую накидку. — Но хотя бы укройтесь. Здесь ветер с реки пробирает до костей.

— Спасибо, — я накинула ткань на плечи. — До королевства далеко?

— Чуть больше половины дня. К вечеру должны въехать за стены Ауреваллума, — сказал герцог, подходя ближе, но не вплотную. — Держитесь за борт повозки, — коротко приказал он, не допуская возражений. Я уже открыла рот, чтобы возразить, но передумала. — И не притворяйтесь, что вам не тяжело. Ваша задача — просто не упасть. Остальное — моя забота.

Кай помог мне сесть в повозку, аккуратно постелив свёрнутое одеяло на сиденье. На мгновение он задержал свою руку на моём локте, словно проверяя, не упаду ли я. Затем он быстро отступил, испугавшись собственной решительности.

Герцог легко вскочил на коня, уже полностью одетый. Его одежда сидит на нем идеально, несмотря на то, что ночь мы провели в лесу. Конь под ним вздрогнул, но тут же замер, подчиняясь его воле. Колеса скрипнули, лошади рванули вперёд, и повозка покатилась по дороге, увозя нас всё

дальше от маленькой поляны, остывшего костра и тишины.

Я села, подтянув колени к груди, кутаясь в накидку. Слабость не оставляет меня и с каждым толчком колёс становится всё сильнее. Я стараюсь не показывать, как мне плохо: сжимаю пальцы, кусаю губы, смотрю вперёд.

Время от времени я ловлю на себе взгляд герцога — он едет впереди, иногда оборачивается, проверяя, не отстаём ли мы. Его взгляд лишён эмоций — ни жалости, ни интереса. Лишь холодная сосредоточенность.

Лес постепенно редеет, освобождая место для открытых пространств. Ветер свободно гуляет, теребит траву и бросает мне в лицо сухие травинки и пыль, а солнце поднимается всё выше. Этот день обещает быть таким же знойным, как и предыдущий.

Так себе перспектива — катиться под палящим солнцем без возможности спрятаться от него. И если наш путь будет такой же, как и вчера, без возможности укрыться в тени, то не знаю, что я быстрее сделаю: сниму с себя это дурацкое платье, и плевать мне, что обо мне подумают, или умру от жары. А может быть, от голода, потому что очень хочется есть. Нормальную еду, а не дохлых рыб, похожих на угли, или свежего сырого кролика.

«Это просто сон, — повторяю я про себя, стискивая пальцы в кулаки. — Просто очень реалистичный сон. И когда-нибудь я проснусь».

Но с каждой милей эта мысль становилась всё менее убе-

дительной.

Этот отрезок дороги не такой пустынный , но даже редкие деревья вдоль пути не спасают нас от палящего солнца. Меня. Потому что ни Кай, ни герцог не жалуются на жару. Я тоже, но мысленно рыдаю, изо всех сил стараясь не сорвать с себя колючее платье.

Волосы, влажные от пота, противно липли к шее и лбу, жаль, у меня нет с собой резинки. Моя одежда так и осталась у Фрэи, лежит аккуратно на стульчике у кровати. Всё произошло так быстро, что мне даже не дали времени собрать свои вещи. Кстати о вещах, интересно, где мой чемодан и сумка? Скорее всего, покоятся на дне океана, развлекая морских обитателей. Жаль, родители только этим летом подарили мне новый телефон.

Мы сделали всего две остановки чтобы попить воды, справить нужду и напоить лошадей. Признаться, сейчас уже не так страшно писать в кустах, как думать о том, что нам предстоит ещё долгий путь. Я понятия не имею, сколько мы уже едем, но кажется, что целую вечность. И не удивлюсь, если на самом деле прошло всего пара часов.

Моя порция воды, которую Кай отдал мне, закончилась очень быстро. Я старалась расходовать её экономно, но во рту пересохло так, что язык едва ворочался. А ещё это постоянное головокружение. В начале пути я надеялась, что оно когда-нибудь прекратится, но нет. Наверное, именно так чувствуют себя люди после сотрясения мозга? К счастью, в

детстве у меня не было серьёзных травм, но, видимо, это должно было случиться рано или поздно. Единственное, что радует, — при таком головокружении и тряске содержимое моего желудка не стремится наружу.

И вот, когда я уже отчаялась когда-нибудь добраться до дворца короля, лошади снизили темп. На плечо Кая приземлилась огромная птица с «воротником» из удлинённых перьев на шее. Оперение угольно-чёрное с фиолетово-пурпурным отливом, переливающимся при солнечном свете. Крылья широкие, с тёмными «пальцами» маховых перьев. К её лапе был привязан крошечный свиток, и Кай аккуратно забрал его у птицы.

Как только послание было получено, птица раскрыла свои большие крылья и резко вспорхнула вверх.

— Нас уже ждут, Ваша Светлость, — крикнул Кай герцогу, прочитав послание. — Зарк только что доставил сообщение от командующего городской стражей.

— Тогда поспешим, — ответил герцог и, пришпорив лошадь, заскакал быстрее.

Ни секунды не медля, Кай погнал двух коней, терпимо тащащих повозку и двоих людей по такой жаре, и те ускорили свой темп. А я со стоном повалилась на бок, не понимая, что я чувствую: облегчение от того, что эта дорога наконец-то скоро закончится, или страх перед неизведанным.

Я провалилась в чёрную прохладную тишину — наверное, жара всё-таки вытянула из меня последние силы. Ко-

гда я снова открыла глаза, мир показался мне необычным и слишком ярким. Герцог нёс меня на руках так легко, словно я была не уставшей, измученной девушкой, а невесомым перышком. Под ногами хрустели мелкие камешки, и каждый звук отзывался в голове. Вокруг возвышались стены — высокие, белые, словно они выросли прямо из земли. На парапетах стояли солдаты: их белые мундиры украшала золотая вышивка, солнечные лучи играли на стали мечей. Лица солдат были строгими, но в их взглядах читалась преданность. И, боже, наконец, солнце не обжигало кожу. Вместо этого по лицу скользила прохладная тень — настолько желанная, что хотелось закрыть глаза и дышать ей.

— Не шевелитесь, — тихо, но твёрдо приказал герцог, даже не думая ставить меня на ноги.

— Я могу сама… — прошептала я, пытаясь пошевелиться.

Он слегка наклонил голову, и на его лице промелькнула едва заметная улыбка — не саркастическая, а нежная.

— Вряд ли, — сказал он мягко. — Королевский лекарь уже здесь. Не волнуйтесь, скоро я вас отпущу, и вы сможете отдохнуть.

— Что будет дальше? — мне было страшно, хотя рядом с ним я чувствую себя в безопасности. Но как только он уйдёт, это чувство исчезнет. — Вы не оставите меня здесь?

Прекрасный мужчина на мгновение задержал на мне взгляд.

— Дальше вы будете в безопасности. Этот дворец — самое надёжное место во всём мире. Здесь вас никто не тронет. Поверьте мне.

Он ускорил шаг, и перед нами распахнулись огромные двери — не просто двери, а врата в другой мир. Стоило ему переступить порог, как духота улицы осталась позади.

А внутри… Чёрт, это был не просто дворец. Это просто невероятное место! Белый мрамор переливался, будто был не камнем, а застывшим лунным светом, а по нему вился золотой орнамент — тонкий, изящный, словно сплетённый из солнечных лучей. С высоких потолков свисали массивные канделябры, и, клянусь, золото в них было не простым металлом, а чем-то живым. На стенах мерцали золотые подсвечники, но они были не нужны: сквозь огромные окна лился солнечный свет, заливая всё вокруг, играя на гранях мрамора, превращая зал в нечто волшебное, почти нереальное.

К нам подошла бесшумно девушка — молодая, в скромном светлом платье, расшитом золотой нитью. Русые волосы были туго убраны назад.

— Ваша Светлость, — её голос прозвучал тихо, но отчётливо. — Королевский лекарь ожидает Вас в восточном крыле. За гостьей присмотрит Исыль. Её Светлость леди Элен приказала лично проследить, чтобы наша гостья ни в чём не нуждалась.

— Благодарю, — коротко ответил герцог.

Он повернул влево — к широкой каменной лестнице,

ступени которой укрывал дорогой белый ковёр, расшитый всё тем же витиеватым золотым орнаментом. Я скользнула взглядом по узорам и вдруг поймала себя на мысли: все здесь носят светлое — и непременно с золотой вышивкой. Я ещё не видела здесь ни одного человека в чём-то пёстром, ярком или хотя бы просто дерзком. Всё было… правильным. Слишком правильным.

— Может, всё-таки отпустите меня? — прошептала я герцогу на ухо, хотя вокруг не было ни души. Голос прозвучал жалко, но я не могла избавиться от неловкости: быть на руках у мужчины, пусть даже это герцог, казалось интимным.

— Вряд ли вы сможете подняться сами, миледи, — спокойно ответил он, и я прикусила язык. Спорить было бесполезно: во-первых, он был прав — ноги всё ещё отказывались слушаться меня; во-вторых, он оказался тем ещё упрямым занудой. Красивым упрямым занудой, с этим я спорить не могла.

— Леди Элен сегодня весьма щедра, раз позволила вам обустроиться в восточном крыле, — добавил он, будто это что-то объясняет.

— Не совсем понимаю… А есть ли разница?

— Несомненно. Прислуга живёт на первых этажах и в отдельных домиках на территории дворца. Лекари и преподаватели занимают северную башню. Вся королевская знать — всё восточное и южное крыло.

— А остальные части дворца пустуют?

— Конечно, нет, миледи. Просто… скажем так, восточная и южная часть — более подходящее место для проживания.

— Герцог…

— Фредерик, миледи, — мягко поправил он.

— Фредерик, — повторила я, пробуя имя на вкус. Красивое имя. — Хорошо… А вы могли бы называть меня просто Мори? Или это не положено по статусу?

— Если вам так будет удобнее — хорошо, Мори.

— Спасибо, Фредерик, — искренне поблагодарила я. — И… мы не можем перейти на «ты»? Хоть иногда?

Лёгкая улыбка тронула его губы.

— Боюсь, леди Элен не одобрит столь… личного обращения.

— Но когда никто не слышит? — я заглянула ему в глаза, ища хоть каплю поблажки.

— Хорошо, Мори. Но будь осторожна: нарушать правила дворца лучше не стоит.

— Поняла. Буду паинькой, — пробормотала я, хотя внутри всё сопротивлялось этой идее.

Тяжело вздохнув, я открыла рот, чтобы задать ещё один вопрос, но не успела. Фредерик постучал в массивную дверь из красного дерева — и почти сразу же её распахнула миниатюрная девушка азиатской внешности.

Она была маленькой и стройной, в её фигуре чувствовалась природная грация и лёгкость. Длинные чёрные волосы, заплетённые в густую, тяжёлую косу, спадали на плечо тём-

ной волной. Её тёмные глаза, раскосые и спокойные, смотрели на нас внимательно, но без любопытства.

Эта девушка одета в светлое платье с золотой вышивкой, такое же, как у девушки внизу. Маленькие светлые туфельки на невысоком каблуке, вероятно, из настоящей кожи, идеально дополняли образ.

— Ваша Светлость, добро пожаловать, — прозвучал её голос, как звон маленького серебряного колокольчика. Она отступила на шаг, пропуская нас внутрь.

Комната оказалась просторной, залитой мягким светом, льющимся сквозь высокие окна. В центре стоит большая кровать с резным изголовьем, укрытая светлым воздушным покрывалом.

— Осторожно, — Фредерик аккуратно опустил меня на кровать, и я не сдержала тихого вздоха облегчения, когда голова наконец коснулась мягкой подушки.

— Исыль, оставляю миледи на тебя. А где же лекарь?

— Он скоро придёт, Ваша Светлость. Не переживайте, я позабочусь о нашей гостье.

— Замечательно. Тогда я оставлю вас.

Фредерик слегка поклонился, а заметив мой испуганный взгляд, тут же добавил:

— Ещё увидимся, миледи… Мори.

И, не проронив больше ни слова покинул комнату.

— Можно, пожалуйста, воды? — попросила я, заметив изящный кувшин на столике у окна.

— Конечно, — Исыль с необычной лёгкостью и быстротой налила воду в хрустальный кубок и подошла ко мне. Её маленькая рука нежно приподняла мою голову, чтобы мне было удобнее пить.

Я жадно осушила кубок и тут же попросила ещё.

— Простите, — выдохнула я, вытирая рот тыльной стороной ладони. — На улице такая жара…

— О, — удивилась Исыль, и её тонкие прямые чёрные брови поползли вверх. — В королевстве всегда тёплая погода. Недаром Лордос прозвали королевством света. Здесь всегда светит солнце и луна. Дожди бывают редко.

— Тёплая? — усмехнулась я, качая головой. — Да тут настоящее пекло! И как вам не жарко?

— Наверное, мы просто привыкли, — мило улыбнулась она, и от этой простой улыбки мне вдруг стало стыдно за свою резкость.

— Прости, — искренне извинилась я. — Видимо, я правда очень устала. И это платье… всё тело чешется.

— Я приготовила для вас ванну и другое платье. Надеюсь, подойдёт. Если нет — я мигом позову портную…

Я смогу помыться и смыть с себя пот и дорожную пыль! Господи, разве может быть что-то желаннее после изнурительной дороги и жары?

Но Исыль не успела договорить. В комнату вошёл мужчина лет шестидесяти, среднего роста. Его седые волосы были аккуратно убраны назад, а одет он был, как и все здесь, в бе-

лую одежду с золотой вышивкой.

— Здравствуй, Исыль, — поздоровался мужчина, видимо знал девушку не первый день. Он перевёл взгляд на меня, и я невольно сжалась под этим внимательными, чуть прищуренными глазами. — А вы, должно быть, та самая гостья, что подняла здесь столько шума.

Несмотря на его добрые светлые глаза, его тон мне не нравится. Я ведь ничего не сделала специально! Да и чего мне, в конце концов, стесняться в собственном сне?

— Здравствуйте, — поздоровалась я, пытаясь приподняться.

— Нет, не вставайте! — обеспокоенно воскликнул старик и тут же взял мою руку, прощупывая пульс на запястье. Он нахмурил свои густые седые брови, склоняясь надо мной, и тревожно вздохнул. — Ох… Ваша жизненная сила на исходе. Слава Телессе, она уберегла вас от большой беды. Позвольте осмотреть вашу рану.

Я не люблю врачей с самого детства. И хоть я редко болею, это не избавляло меня от полугодовых осмотров. Мне всегда казалось, что они принимают меня за подопытного кролика, смотрят, что-то записывают в своих блокнотах.

Саша, мой психолог, тоже врач. Но она другая. И хотя на наших первых сеансах она пыталась заглянуть вглубь меня, я не чувствовала себя маленькой белой мышкой в клетке, на которую смотрят пары человеческих глаз людей в белых халатах.

Лекарь не вызывает во мне особого доверия, но и белой мышью в клетке я себя рядом с ним не чувствую. Он аккуратно осмотрел мою рану, чуть наклонив голову, и неожиданно похвалил деревенских лекарей за то, как чисто и ровно они наложили швы. Я этого совсем не помню. Он пообещал передать мне мазь и отметил, что, вероятно, от шрама почти ничего не останется. Для меня это конечно важно, но сейчас шрам — это наименьшая из моих проблем.

С памятью дела обстояли гораздо хуже. Никакого магического проклятия или заклинания на мне не было — по крайней мере, так сказал лекарь, но мои жизненные силы просто в самом настоящем упадке, что могло способствовать потере памяти. Диагноз? Хрен его знает, что со мной происходит! Лечение? Покой, обильное питье, так как у меня обезвоживание, много сна, почаще молиться какой-то Телессе, мазать свой шрам его мазью и правильное питание. Никаких капельниц, уколов, антидепрессантов и прочих химикатов.

Я все не могла дождаться, когда этот лекарь перестанет задавать свои дурацкие вопросы. Свои вопросы я пока решила не задавать, чтобы меня не посчитали сумасшедшей и не лишили удобной кровати и обещанной ванны. Кстати, о ванне! Когда дедуля наконец ушел, я, несмотря на головокружение, ставшее за последнюю неделю частью моей жизни, умоляюще попросила Исыль показать мне, где я могу помыться.

И… вот этого я не ждала! Нет, ванная оказалась роскошной — прямо как в самых дорогих отелях, которые я мог-

ла видеть только в кино, рекламах и на страницах журналов. Стены и пол — из белоснежного мрамора, но с тёплым подтоном. Золотая отделка отличается тонкостью и изысканностью: изящные бордюры, утончённые вензеля, почти невидимые солнечные диски и полумесяцы деликатно вписаны в стыки плит. Вдоль стен стоят мраморные вазы, а в них — живые цветы: белые лилии, нежно-розовые розы, нежные голубые гортензии. По углам тихо журчат маленькие фонтанчики. В центре комнаты стоит большая круглая ванна из того же мрамора. Вода в ванне источает лёгкий пар, и моё тело покрывается мурашками от нетерпения окунуться в воду. А туалет! Здесь нормальный туалет, а не ночной горшок!

— Позвольте, миледи, — тихо говорит Исыль позади меня и аккуратно касается края моего платья. — Вот так, — шепчет она, бережно укладывая платье на резную мраморную скамью у стены, обитой светлым бархатом. — Сейчас вам станет легче.

И действительно, стоило ткани платья оторваться от кожи, как я почувствовала, будто с меня сняли оковы.

Исыль берёт с маленького круглого столика изысканный хрустальный флакон.

— Капля этого масла в воду — и кожа станет мягкой, как шёлк. Это масло из оранжерей дворца: жасмин, немного мёда и капля сока серебристого лотоса.

Она выливает масло в ванну. Пар становится гуще, и воздух наполняется лёгким, сладким ароматом. Я осторожно

иду к ванне, ощущая, как прохладный мрамор пола холодит мои ноги, а затем тепло воды окутывает меня. Исыль берет мягкую льняную ткань, опускает её в воду и слегка выжимает.

— Дайте руку, — тихо говорит она. — Я помогу вам смыть грязь.

Я предполагала, что девушка оставит меня одну, но получилось всё наоборот, она начала мыть мне голову, спину, руки, ноги — всё тело. Делалет это спокойно и бережно, словно для неё это совсем естественно. Хотя, если подумать, служанки всегда помогали придворным дамам мыться. И всё бы ничего, если бы я действительно была одной из них.

— Вы ведь не из этих земель, верно? — негромко спрашивает Исыль, не поднимая глаз, продолжая аккуратно протирать мое плечо, потом запястье. — У вас взгляд такой…

— Нет, я не отсюда, — подтверждаю я, откидываясь спиной на бортик ванны. Горячая вода обнимает меня, скользит по коже тёплой волной, смывая не только дорожную грязь, но и напряжение.

Исыль садится на низкую резную скамью у края ванны, берёт льняную ткань, снова окунает в воду.. Её движения становятся мягче, неторопливее, приятнее.

— Я сразу это поняла, — шепчет она, проводя тканью по моей ладони — совсем легко, почти невесомо, так, что по коже бегут мурашки от этой странной, приятной заботы. — Знаете, миледи, этот дворец построили не просто так. Не ра-

ди красоты. Его возводили ради силы. Говорят, первые камни заложили там, где солнце и луна на миг касаются друг друга на горизонте. Поэтому тут никогда не бывает по-настоящему темно. Даже в полночь луна и звёзды светят очень ярко.

— Просто зови меня Мори, — снова прошу я, уже в который раз, и прикрываю глаза от накатившего облегчения. — И если ты не против, давай на «ты». Хотя бы когда мы наедине. В моей стране это нормально, и мне так… легче.

— Хорошо, миледи, — соглашается девушка, но в её голосе я слышу лёгкую неуверенность.

— И никаких «миледи», — почти жалобно добавляю я, чувствуя, как от одного этого слова накатывает тошнота.

— Тут редко бывают чужие. Даже когда приезжают гости на бал, они не остаются здесь. И знаешь, мне всегда кажется, что дворец будто присматривается к ним. Оценивает. Пытается понять: ты ему подходишь или нет. Не пугайся, если почувствуешь это. Иногда кажется, что стены дышат и все слышат.

Вода потихоньку остывает, но в комнате по-прежнему тепло. Я опускаю голову на край ванны и смотрю на Исыль. В её глазах нет насмешки, но мне её слова кажутся чем-то вроде красивой сказки — той, которую рассказывают детям, чтобы они не боялись темноты. Хотя здесь темноты, кажется, и правда не бывает.

— А ты… ты тут давно? — спрашиваю я, нарушая минут-

ную тишину.

— С тех пор, как научилась ходить, — отвечает она спокойно. — Почти всю жизнь. Меня привезли сюда из северо-восточных земель, когда я была совсем маленькой. Родителей своих я не помню. И знаешь… я бы не хотела другого дома. Здесь мне дали крышу над головой, тёплую постель, вкусную еду. Его Величество, Её Светлость Элен, Её Светлость Агата, Её Светлость Адеаз, Её Светлость Миранда…

— Постой, — я приоткрываю глаза, возвращаясь в реальность, которая вдруг становится слишком плотной, чтобы её игнорировать. — Сколько же здесь «Её Светлостей»?

— Ну, у нашего короля четыре фаворитки. Самая главная — леди Элен. Она дальняя родственница короля, поэтому сразу, только из-за кровного родства, имеет самый высокий статус. Леди Элен родила королю двоих детей — близнецов. И её сын — прямой наследник на трон Лордоса.

— Получается, у короля нет законной жены? Нет королевы?

— Конечно, нет, — кивает Исыль. — Королю Лордоса не позволено иметь жену. Вторая фаворитка — леди Агата. Она из северного королевства Панвер, и, как я слышала, её приезд во дворец — лишь политическая обязанность. Но тем не менее она родила нашему королю ещё одного принца, и он второй по очереди на престол.

— Остались ещё две фаворитки, верно?

— Да. Леди Адеаз из королевства Танкуаэу. Она роди-

ла королю сына. Хороший принц — добрый, отзывчивый, скромный. Да и сама Её Светлость Адеаз очень хорошая женщина. Всегда в весёлом настроении, от неё никогда не услышишь скверного слова… — Исыль тут же замолкает, понимая, что сболтнула лишнего, и её щёки заливает лёгкий румянец.

— Не переживай, — искренне обещаю я. — Я никому не расскажу. А кто четвёртая фаворитка?

— Леди Миранда. Она самая младшая из фавориток и любимица Его Величества. Ей только исполнилось девятнадцать, и совсем скоро она должна родить ребёнка. Если у неё родится мальчик, он подвинет принца Маркуса в очереди на трон. И, боюсь, Её Светлость Агата не будет этому рада.

Я чуть приподнимаюсь в воде, чувствуя, как во мне зарождается любопытство. Так-так-так. Получается, в этом роскошном дворце бушуют настоящие страсти — не хуже, чем в самых запутанных драмах.

— Разве вы… прости, ты не помнишь этого?

— Если честно… нет, — признаюсь я, и чувствую, как горят щёки.

Сейчас я ощущаю себя самозванкой. Они все думают, что во мне течёт королевская кровь, а на самом деле я самая обычная девушка. И вместо того чтобы сразу всё объяснить, я позволила себе поддаться этой роскоши — мягкой кровати, тёплой ванне и нежному голосу рядом. Но самое страшное не в этом. Самое страшное — что мне начинает нравить-

ся быть здесь.

Вымывшись до скрипа кожи, я завернулась в мягкое, пушистое полотенце. Вместе с Исыль мы прошли в гардеробную — просторную, залитую светом комнату, соединявшую ванную и спальню. По стенам тянулись ряды резных шкафов, на полках лежали стопки белья, а на вешалках висели платья.

Я скользнула взглядом по вещам и с облегчением обнаружила: здесь нет ни громоздких панталон, ни пугающих корсетов, от одного вида которых хотелось съёжиться. Вместо этого — простые, но изящные вещи. Тонкие сорочки из выбеленного льна, прошитые по краю едва заметной золотой нитью; нижние платья из струящегося шелка, мягко очерчивающие силуэт, но ничего не выставляя напоказ.

Исыль достала комплект, аккуратно расправила его и застыла. На её лице мелькнуло виноватое выражение.

— Прости, — прошептала она, её голос дрожал. — Платье и бельё слишком маленькие. Я сейчас всё поменяю, сию минуту…

Она начала рассыпаться в извинениях, как будто в том, что одежда не подошла, была исключительно её вина. Почему? Она же не может предугадать мой размер.

— Исыль, подожди, — мягко сказала я, жестом останавливая её. — Это не твоя вина. Никто не мог знать. Не стоит так волноваться.

Но она всё равно быстро вышла за дверь, пообещав принести одежду большего размера.

А я тем временем, всё ещё закутанная в пушистое полотенце, не дожидаясь новой примерки, вышла из гардеробной в спальню. Кровать была огромной, с высоким изголовьем и множеством подушек разного размера. Я скользнула голышом под шёлковые простыни. Они прохладно ласкали кожу, и это ощущение было настолько классным, что я вдруг поняла: после всех этих дней, наполненных страхом, жарой и болью, это и есть настоящее счастье. Я вытянулась, закрыла глаза и позволила себе на одну минуту просто быть. Не самозванкой, не гостьей. Просто девушкой, которой наконец-то тепло и спокойно. И пусть это спокойствие продлится хотя бы до того момента, когда Исыль вернётся с новой одеждой.

Видимо, спокойствие мне только снится. Стоило подумать, что наконец-то можно выдохнуть, как жизнь снова подставила мне подножку. И не одну. Эта ночь была ужасной. Я не могла понять, где я: в самолёте, в этом магическом королевстве или в своей комнате в общежитии. Всё слилось в липкую, вязкую путаницу.

Рита и Элис смеются. Мы сидим в каком-то уютном месте — то ли в маленьком кафе с полками, уставленными книгами, то ли в тихой библиотеке, где пахнет старыми книгами. Детали расплываются, но это не важно. Важно только одно: я здесь, с теми, кого люблю. Рита что-то быстро рассказывает нам, размахивая руками. Элис смеется, прикрывая рот ладонью, и на ее глаза от смеха наворачиваются слезы.

Я смотрю на них и чувствую, как внутри разливается теп-

ло. Я не могу перестать улыбаться! В этот момент я по-настоящему счастлива — просто оттого, что мы вместе. А потом… потом этот свет начал меркнуть. Смех Риты стал тише, будто его приглушили. Элис всё ещё улыбается, но улыбка становится натянутой, искусственной. Всё вокруг растворяется в сером тумане.

Потом картинка изменилась, словно кто-то переключил канал, и я уже смотрю на университетское футбольное поле: прожекторы разрезают темноту, воздух пахнет резиной, грязной обувью, травой, пивом, попкорном, хот-догами и сладкой газировкой.

Команда поднимает Нолана вверх — он принёс очередную победу, и от их ликования становится не по себе, вся эта радость слишком громкая и слишком фальшивая. Рядом с Аариком и Джексоном крутятся девушки из группы поддержки в очень коротких юбках и топах, едва прикрывающих тело. Они танцуют откровенно, соблазнительно, развязно: бёдра покачиваются медленно из стороны в сторону, руки скользят по шее, плечам, груди, животу. Пальцы дразняще касаются резинки юбки, будто вот-вот стянут её вниз. Аарик и Джексон не сводят с них возбуждённых взглядов, и совершенно ясно, чем они будут заниматься этой ночью.

На поле выходит декан Лоуренс, берёт в руки микрофон — и её голос ударяет, как тяжёлый колокол, пробивая шум толпы.

— Вызываю на поле Мори Дэвис!

Я сижу на трибуне, вцепившись пальцами в сиденье так, что ногти впиваются в пластик. Сердце бьётся где-то в горле, перекрывая дыхание, а кожа покрывается холодным липким потом.

Саймон подходит ко мне и хватает за руку, его хватка такая грубая, что на запястьях тут же проступают красные полосы. Не слушая моих криков, не глядя мне в глаза, он закидывает меня на плечо и тащит вниз, к полю, словно я вещь, которую нужно доставить по назначенному адресу.

Я кричу, царапаюсь, пытаюсь вырваться, молочу кулаками по его спине, но мой голос тонет в рёве толпы. Отчаянно ищу глазами родителей, Элис, Киру. Но никого нет рядом.

Саймон выносит меня на центр поля, и яркий свет прожекторов бьёт прямо в глаза. Я моргаю, пытаясь вернуть себе хоть каплю ясности. Толпа ревет, заставляя мое сердце биться в рваном, паническом ритме.

Среди этого хаоса я замечаю Нолана. Он стоит чуть в стороне, скрестив руки, и на его лице — та самая коварная ухмылка, от которой по коже бегут ледяные мурашки. Всё это — его задумка, его игра, он здесь главный. Черт!

С глухим грохотом Саймон отпустил со своего плеча меня на газон. Удар о землю больно отозвался в копчике. И я услышала громкий, издевательский смех, который прокатился по трибунам. Люди тыкали в меня пальцами, выкрикивали язвительные слова, но их голоса сливались в один непрекращающийся гул, напоминающий жужжание потре-

воженного пчелиного улья.

Это напомнило мне ощущение из старого детского кошмара, когда я пришла в школу совершенно голой и не могла понять, почему на мне нет одежды, и все мои попытки её найти были обречены на провал. Тогда я проснулась в слезах и пряталась под одеялом, пока не убеждала себя, что это просто сон. Сейчас же я не могу проснуться.

Я не понимаю, что я сделала такого, чтобы заслужить это. Почему все эти люди, которых я не знаю, смеются надо мной? Я ни в чем не виновата! Уж кто и виноват, так это Нолан! Родители уговаривали меня обратиться в полицию, но я струсила, потому что боялась осуждения, боялась, что меня и мою семью никогда не оставят в покое.

Я пытаюсь подняться, но ноги будто налились свинцом. Нолан возвышается надо мной и победно ухмыляется своей красивой улыбкой. Будь на моём месте любая другая девушка, она бы сделала всё, что сказал бы ей этот парень, но я не хочу. Я больше не позволю ему так со мной поступить!

Ногти царапнули искусственный газон и в груди вспыхнул гнев. Он думает, что я уже сломлена, что достаточно одного взгляда, чтобы я подчинилась. Но он забыл одну вещь: даже загнанный в угол зверь кусается. Чувствуя, как по спине ползёт холод, я прошептала скорее губами, чем голосом: «Я не твоя куколка, Нолан».

Среди ясного неба прогремел гром. Музыка и смех стихли. И посреди поля возникла она — огромная чёрная тень.

Она росла, вытягивалась вверх, и стадион съёживался вокруг неё. Линии разметки расплывались, трибуны превращались в кривые, неровные силуэты, прожекторы гасли один за другим, будто тьма пожирала свет. Нолан стоял рядом, и впервые его лицо было лишено всякого высокомерия.

Тень начала убивать. Сначала она набросилась на игроков футбольной команды. Первым стал Нолан. Тень метнулась к нему, обвила шею длинными тонкими отростками, похожими на когти из дыма, и резко дёрнула. Хруст прозвучал так отчётливо, что на секунду даже вопль и крики стихли — только этот жуткий звук, похожий на треск ломающихся веток. Нолан рухнул, его тело дёрнулось в конвульсиях и замерло. Кровь медленно вытекала из-под него, расползаясь по траве тёмным маслянистым пятном, которое тут же начало впитываться в землю.

Дальше — Аарик и Джексон. Одним движением она разорвала грудь Аарика, плоть поддалась с тошнотворным звуком, похожим на влажный треск. Она вытащила что-то тёмное, влажное — то ли сердце, то ли желудок. Кровь хлынула фонтаном, заливая зелёный газон, превращая его в липкое алое месиво. Джексон пытается бежать, но тень скользнула под его ноги, и он упал, а затем она накрыла его целиком, будто чёрный плащ. Через несколько секунд от него осталась только бесформенная груда, из которой сочилась густая, почти чёрная кровь, пахнущая не железом, а чем-то затхлым, будто гнилью.

Девушки из группы поддержки умирали не менее жестоко, но в их смерти было что-то особенно омерзительное. Она хватала их за волосы, дёргала вверх, ломая шеи. Или просто разрывала пополам — так, что на газон падали куски тел, обрывки ткани, осколки костей, и всё это смешивалось в жуткую мозаику, где уже невозможно было отличить, где чья рука, где нога. Их крики сливались в один сплошной вопль, который становился всё тише, пока не стих совсем.

Зрители на трибунах пытались бежать, но паника лишь ускоряла их гибель. Тень скользила между рядами быстрее, чем взгляд успевал её уловить, хватая людей, сжимая их в своих объятиях, пока кости не начинали ломаться. Кровь лилась по ступеням, стекала вниз, собираясь в лужи, которые медленно растекались, смешиваясь с пылью, превращаясь в грязную жижу, в которой уже плавали обрывки билетов, пустые стаканчики.

Саймона и декана Лоуренс тень оставила напоследок — словно сладкое на десерт. На Саймона она напала с особой жестокостью. Её длинные, неестественно изогнутые пальцы сомкнулись вокруг его головы. Затем раздался хруст, громкий и отчётливый, словно кто-то раздавил куриное яйцо, только в тысячу раз хуже, потому что это была человеческая кость. Голова Саймона сплющилась в её ладони, и из-под пальцев потекла тёмная жидкость, смешиваясь с кровью на газоне.

Декана Лоуренс тень подняла вверх одной рукой. Она та-

щила её до самой верхней трибуны, и декан визжала, молила о помощи, болтала ногами так, что ее туфли слетели с ее ног, но всё было бесполезно. Тень разжала пальцы, и Лоуренс полетела вниз — её тело ударилось о перила, хрустнули рёбра, позвоночник, что-то внутри лопнуло с влажным звуком, и она рухнула на поле, прямо в кучу трупов и оторванных частей тел. Элеонор Лоуренс упала словно сломанная кукла, под странным углом, и больше не двигалась — только тонкая струйка крови вытекала изо рта.

Я осталась последней.

Тень повернулась ко мне, и её очертания начали меняться. Силуэт становился всё чётче: плечи, изгиб спины, тонкие, неестественно длинные пальцы… Но лица не было. Ни глаз, ни носа, ни рта — только пустота.

— Ты… — прошептала она, и я застыла, не в силах пошевелиться. — Ты пришла ко мне.

Её руки, похожие на дым, обволакивали меня, оставляя на коже покалывание, будто тысячи крошечных игл впивались в кожу.

— Некуда бежать, девочка, — прошептала тень. — Без света не бывает теней. Они знают это, но забыли. Так напомни им об этом.

Она подняла меня вверх, над полем, и я посмотрела вниз, на то, что осталось от стадиона. Это уже не было местом, где я, Рита и Элис смеялись и болели за команду. Теперь это был алтарь, залитый кровью. Трупы лежали в странных, уродли-

вых позах, лужи крови сливались в тёмные озёра, куски тел были разбросаны по газону, словно кто-то специально выложил из них зловещий, жуткий узор.

— Нет… не надо, — прохрипела я, но мой голос был таким тихим, что даже я сама едва его слышала.

— У тебя нет выбора, девочка, — злобно рассмеялась тень, и её смех прозвучал как скрежет металла по стеклу. — Все они очень скоро поплатятся за то, что сделали. У вас всех нет выбора

Я не понимаю, о чём она. За что я должна поплатиться? За что расплачиваются невинные люди, которых она так жестоко и зверски убила?

Тень резко разжала руки, и я полетела вниз, навстречу смерти, готовясь к тому, что это будет мой последний крик.

— НЕТ! — я резко открыла глаза и жадно глотаю воздух. Горло предательски пересохло, и во рту чувствуется металлический привкус крови.

Я больше не на стадионе. Я в комнате. За окном уже стемнело. Свечи и лампа освещают помещение мягким, тёплым светом. Дрожащей рукой я потянулась к запястьям — там, где во сне пальцы Саймона впивались в кожу, сейчас не было ни синяков, ни царапин, ни даже намёка на боль. Но я всё ещё чувствую эту хватку, будто всё это было реально. В комнате было тихо. Только потрескивала свеча, да где-то далеко, за окном, шумели деревья.

— Черт, — прохрипела я и встала с кровати, чтобы налить

себе воды.

Стояла такая пугающая тишина, что я старалась ступать босиком по мягкому ковру тихо-тихо, чтобы не нарушить ее. Все спят. Незнакомые мне люди мирно спят, пока я мучаюсь от кошмара. Хочу домой! Как же я хочу домой!

Дрожащей рукой я наливаю себе в кубок воды и замечаю еще одну странную вещь: на внутренней стороне запястья проступила тонкая линия, похожая на крошечный символ — словно кто-то начертил его тонкой иглой, и он впитался в кожу. Узор напоминал древний знак: изогнутая спираль, заканчивающаяся точкой. И эта точка… пульсировала. Я потерла руку, но узор не исчез. Наоборот, он стал еще темнее.

— Какого хрена?!

Я начала ещё сильнее тереть запястье, впиваясь ногтями в кожу, пыталась стереть эту странную штуку. Линии не смазывались, не бледнели, они будто вросли глубже, а точка в центре спирали мерцала, словно издеваясь надо мной.

Тогда я начала щипать себя, бить ладонью по предплечью, по лицу, по голове, чтобы очнуться, чтобы проснуться в настоящей реальности, где нет ни королей, ни леди, ни этой страшной тени, ни крови, заливающей всё вокруг. Боль была острой, настоящей,но она не вытаскивает меня из этого кошмара.

— Хватит! Хватит с меня всего этого! Я хочу домой! Хочу вернуться назад!

В голову скользнула ледяная, безжалостная мысль: а что,

если я умерла? И всё это — мой собственный ад? Паника тонкими ручейками пробиралась в сознание, уверенно занимая там место, готовясь навести свой собственный порядок.

— Нет, нет, нет…

Я подошла к постели, нырнула под одеяло и укрылась с головой, что стало темно и душно.

— Я не мертва! Я жива! Я не погибла в этом самолёте! Я вернусь домой! — шепчу я словно мантру, молитву снова и снова, вцепившись пальцами в ткань, стараясь унять дрожь, которая колотит всё тело.

Под одеялом тихо, только моё рваное дыхание и стук сердца, отдающийся в ушах. Я сжимаю глаза до цветных вспышек. Но даже сквозь ткань и закрытые веки я чувствую, как узор на запястье тихо пульсирует..

Солнце бьет в окно так ярко, что больно режет мои приоткрывшиеся глаза. Простыня и влажные волосы противно прилипли к телу.

— Мори, — у кровати тут же появляется Исыль, и я вздрагиваю от неожиданности. — Тихо-тихо, — нежно шепчет она. — Вот, попей.

Трясущимися руками беру у неё кубок и жадно выпиваю. Но это не вода. Жидкость тягучая и горькая.

— Что это? — спрашиваю у Исыль, закашлявшись.

— Настойка. Лекарь принёс её и приказал мне дать тебе выпить.

— Зачем?

— У тебя сильный жар уже несколько часов. — Исыль садится на край кровати и промакивает мне лоб влажным полотенцем. — Я принесла тебе новое бельё, но ты ещё спала. Тогда я решила прибраться в комнате и приготовить тебе платье, но ты начала ворочиться во сне и кричать.

Боже, неужели всё настолько плохо? Облизываю потрескавшиеся губы и понимаю, отчего во рту металлический привкус — это вкус крови.

— Я подумала, что тебе приснился кошмар, и подошла к тебе, чтобы успокоить, но у тебя был такой сильный жар, что я сразу же послала за лекарем.

— Спасибо. Большое спасибо. Мне и правда приснился кошмар.

— Мори… — Исыль наклонилась поближе ко мне. — Я ничего не рассказала королевскому лекарю, но рядом с кроватью я нашла вот это.

Она достаёт из переднего кармана маленький тканевый свёрток. Внутри что-то серое, сыпучее.

— Что это?

— Похоже на пепел, — отвечает она, пряча свёрток обратно. — Ты ничего не жгла, пока меня не было?

— Нет, — я отрицательно мотаю головой. — Я вышла из ванны и сразу легла в кровать, а потом уснула.

Я опускаю взгляд на свои запястья. На них нет никаких странных узоров. Ни спиралей, ни точек, ни чёрных жилок. Только бледная кожа, чуть покрасневшая от жара. Наверно,

мне и правда приснился весь этот бред из-за температуры.

— Это плохо, Мори, — испуганно шепчет девушка. — Если то, что я нашла у твоей кровати, появилось само собой, а кроме меня, лекаря и тебя здесь никого не было, это дурной знак. Тебе грозит опасность, и дворец предупреждает тебя.

— Да какая здесь может быть опасность, Исыль? Тем более Фредерик пообещал мне, что это самое безопасное место в королевстве. Я уверена, что всему есть рациональное объяснение.

Но в памяти тут же всплывает ледяной жуткий шёпот: *«Без света не бывает теней. Они знают это, но забыли. Так напомни им об этом»*.

— Исыль, — я беру девушку за руку и крепко сжимаю её. — Может ли что-то значить это выражение: «Без света не бывает теней»?

Лицо Исыль становится тревожным, и она сжимает мою руку в ответ.

— Где ты это услышала?

— Мне это приснилось, — неловко признаюсь я, но уверена, что могу довериться этой девушке.

— Я не знаю точного ответа на твой вопрос, но это королевство света… Когда я была маленькой, моя наставница посоветовала мне прислушиваться здесь к каждому шороху, к каждому дуновению ветра и тем более к своим снам.

— А может, это был просто кошмар из-за высокой температуры, — стараюсь улыбнуться я, чтобы хоть немного успо-

коить её.

— Может, и так, — тихо соглашается Исыль. — Но будь осторожна, Мори. Дворец может и защищает своих обитателей от того, что снаружи, но внутри здесь таится не меньше опасностей.

— О чём это ты?

— Её Светлость Агата каждое полнолуние приглашает к себе старую ведьму из деревни, что рядом с дворцом. У меня мурашки по коже бегут, когда я вижу эту женщину. Другие девушки сплетничают, что с помощью этой ведьмы Агата накладывает проклятия на первого принца и своих врагов. Другие просто смеются над ней и говорят, что она зря теряет время. Наше королевство под охраной Ордена белых магов, и ни одно злое заклинание не может навредить нам.

— А что ты думаешь?

— Я думаю, что та женщина действительно ведьма и она занимается запрещённой магией.

— Запрещённой магией?

— Да. Магией, которую Орден белых магов считает либо тёмной, либо противоестественной.

— Значит, леди Агата — злой персонаж в этой истории?

— Персонаж? — непонимающе переспрашивает девушка.

— Ну да… Это человек, который в определённое время сыграет плохую роль, то есть попытается навредить другим.

— Ох, я не думаю, что леди Агата такая. Пусть она заносчивая и у неё колкий взгляд, но она всё-таки из благородной

семьи. Да и зачем ей здесь кому-то вредить?

— Не знаю, просто предположила.

— Знаешь, Мори, кого и нужно здесь опасаться, так это леди Элен. Несмотря на её статус и добрые слова, в душе она очень чёрствая женщина. Её правила и приказы должны выполняться беспрекословно, и за любое, даже самое маленькое нарушение она обязательно накажет. Принцу Люциусу она лично отбирает фавориток. Она даже сделала свою двоюродную племянницу фавориткой, чтобы укрепить свою власть в этом дворце. Раз леди Миранда в любимицах Его Величества, то леди Элен сделает всё, чтобы не дать ей занять её место.

— Тогда это она должна накладывать злые заклинания, а не леди Агата, если уж посудить...

— Между леди Элен и леди Агатой действительно напряжённые отношения. Они вошли в этот дворец почти одновременно, и принц Маркус лишь на несколько месяцев младше принца Люциуса. Леди Элен сильна своей кровной связью с королём и тем, что у неё старший наследник, но и леди Агата не так проста: у неё крепкие связи со знатными людьми Панвера и Лордоса. Так что, мне кажется, между ними всегда было противостояние.

Я с трудом поднимаюсь, простыня соскальзывает с моего голого тела, и я тут же неловко подтягиваю её к себе.

— Я не думаю, что нас с тобой это как-то коснётся, но спасибо за предупреждение. Ты не против, если я приму ванну?

— Конечно! Я всё приготовлю и помогу тебе!

— Нет, я сама! — тут же отрезаю я, чуть резче, чем хотела. — Спасибо за помощь, но я и правда справлюсь сама. У тебя, наверно, много других дел, так что не стоит нянчиться со мной каждую секунду. Спасибо тебе за помощь и беспокойство, но мне намного лучше.

И это не совсем ложь. Температуры больше нет, только слабость, но с этим я смогу справиться.

— Хорошо… — неуверенно отвечает Исыль. — Тогда вот, — она показывает на стопку сложенной одежды на танкетке у кровати. — Это нижнее бельё. Я взяла сразу несколько размеров, не переживай, они совершенно новые. Наша портная трудилась над этим всю ночь.

— Всю ночь? — сердце глухо ударяется о рёбра, и волна стыда обжигает сильнее любого жара. — Господи, мне… мне так стыдно. Я… из-за меня она не смогла уснуть…

— Мори, это наша работа, и в этом нет ничего страшного. Поверь, Эмили будет очень приятно узнать, что тебе понравилось то, что она для тебя сшила. Я принесла ей образец твоей одежды, — опустив глаза, признаётся она. — Эмили никогда не видела подобного кроя, но она постаралась сделать так, чтобы тебе было комфортно.

— Спасибо… — только и могу ответить я, потому что других слов не находится.

— А это твоё платье, — Исыль выносит из гардеробной красивое белое платье из лёгкой струящейся ткани, расши-

тое золотой нитью. Узоры из золота ловят солнечный свет и рассыпают его крошечными искрами. — Я подумала, что тебе подойдёт. И наверняка Её Светлость Элен захочет сегодня встретиться с тобой, так что лучше нарядиться.

— Очень красивое, — искренне восхищаюсь я, проводя пальцами по гладкой ткани.

— И правда, — соглашается Исыль с лёгкой улыбкой. — И ещё… Не знаю, знаешь ли ты об этом, но украшения в этом дворце могут носить только принцесса София и фаворитки Его Величества. Фаворитки принцев могут надевать украшения лишь в том случае, если это подарок от принца. А белый цвет здесь носят только дети Его Величества. Фаворитки же шьют себе платья из ткани, которая выделяет их, подчёркивает их значимость.

— Понятно, — киваю я, хотя на самом деле ничего не понимаю.

— Я подумала, что раз ты не из королевской семьи, а просто гостья, то нет ничего плохого в том, чтобы надеть его. Это платье раньше носила принцесса София, и вряд ли она помнит его. Эмили кое-что подправила в нём, чтобы тебе подошло.

— Хорошо, — снова киваю, стараясь не выдать, как сильно меня смущает эта щедрость. — Исыль, ещё один вопрос. Почему только принцесса София носит белое?

— Потому что белый — цвет короля и нашего королевства. А золотая вышивка на одежде защищает нас от злой

тёмной магии. Когда принцесса выйдет замуж, она так же сможет носить одежду других цветов, но пока она носит цвет Его Величества.

— Точно, — чувствую себя глупой из-за того, что задаю такие очевидные для этого мира вопросы. — Что ж, пойду умоюсь.

Я подхватила комплект нижнего белья и, не оглядываясь, шагнула к двери ванной комнаты. Лишь когда за мной мягко щёлкнула створка, до меня дошло: я слишком поспешно отказалась от помощи Исыль. Надо было расспросить её, где тут берут воду — вряд ли в этом дворце есть привычный водопровод и канализация. Но… унитаз-то стоит. Значит, система всё-таки есть.

Окинув взглядом ванную, я первым делом бросилась к ванне — вдруг там прячутся краны, незаметные на первый взгляд. Но нет: ни вентилей, ни труб, ни отверстий, откуда могла бы поступать вода. Тогда я подошла к туалету. Устройство оказалось не таким уж современным: над чашей висела массивная ёмкость с верёвкой. Догадка мелькнула мгновенно: если потянуть за верёвку — ёмкость перевернётся, и вода хлынет вниз. Ну ладно, не ночной горшок — уже маленькая победа.

Усевшись на белый «трон», я обвела комнату медленным взглядом. Вчера из-за усталости я не смогла по-настоящему разглядеть эту роскошь. А теперь… Боже, да тут всё из настоящего золота! Каждая деталь — тонкая, изысканная,

безумно дорогая, светится в солнечном свете. От этой красоты становилось даже немного страшно. Одно неловкое движение — и я что-нибудь сломаю, а потом меня выставят из дворца, как неловкого воришку.

Под огромным золотым зеркалом стоит изящная ёмкость из белого мрамора, украшенная витиеватым золотым орнаментом. Подойдя ближе, я невольно заглянула в своё отражение и вздрогнула. Лицо пугающе бледное, под глазами тёмные круги, волосы сбились в липкие колтуны, а взгляд измученный, будто я не спала целую неделю. Нет, целый месяц.

Мраморная чаша наполнена чистой водой. Я плеснула её себе в лицо несколько раз. Холод больше не вызвал привычной дрожи — напротив, он принёс спасительное облегчение. Намочив полотенце, лежавшее рядом, я обтёрла тело, потом закуталась в другое, сухое. Затем снова наклонилась к воде, окунула голову и принялась энергично массировать кожу головы пальцами. И опять же — чудо из чудес — вместе с прохладой постепенно уходила и тупая головная боль, что давила на виски всё утро.

Когда я наконец завернула волосы в полотенце и надела новое бельё, то на мгновение замерла, прислушиваясь к ощущениям. Ткань трусиков была такой нежной, что казалась невесомой, а вместо привычного бюстгальтера с пушапом и жёсткими косточками на мне оказалось нечто среднее между коротким топом и лёгкой майкой — удобно, свободно, приятно. Надо будет обязательно лично поблагодарить Ис-

ыль и ту волшебницу, что сумела за одну ночь сшить такую прелесть.

Выйдя из ванной, я уже собиралась окликнуть Исыль, попросить устроить мне встречу с кем-нибудь из местных, чтобы хоть немного разобраться, что тут к чему, но в комнате стояла совсем другая девушка.

— А где Исыль? — вырвалось у меня испуганно. Появление новой служанки стало полной неожиданностью.

— Её Светлость Элен вызвала Исыль к себе, миледи, — спокойно ответила девушка, не смотря мне в глаза. — Я здесь, чтобы помочь вам собраться. Её Светлость ждёт вас на завтрак, ей не терпится познакомиться с вами.

— Э-э-э… ну что ж… — пробормотала я, пытаясь скрыть растерянность. Встреча с какой-то заносчивой дамочкой точно не входила в мои планы.

— Позвольте мне помочь вам, — произнесла служанка, и мне показалось, что эта вежливая просьба только формальность: не дожидаясь моего согласия, она ловко стянула с моей головы полотенце и усадила меня на стул. — У вас очень длинные волосы. Какую причёску вы хотели бы?

— Не знаю… А какую обычно носят здесь?

— Молодые леди чаще всего оставляют волосы распущенными, украшая их цветами или изящными заколками. Могу убрать пряди от висков назад, так они не будут мешать и одновременно откроют ваше лицо.

— Хорошо, делайте, как считаете нужным, — без особого

энтузиазма соглашаюсь я.

В руках служанки мои спутанные пряди быстро превращались в гладкие, блестящие локоны. Она аккуратно убрала волосы от висков, слегка закрепив их, чтобы открыть лицо. Потом помогла мне надеть платье, которое приготовила Исыль, и достала из пару туфель из тончайшей кожи на небольшом каблуке. К моему искреннему облегчению, обувь пришлась впору, хотя на вид казалась куда меньше моего размера.

«Видимо и тут не обошлось без моей феи-крёстной Исыль», — мелькнула в голове усмешливая мысль.

— Я провожу вас к Её Светлости Элен, миледи. Следуйте за мной, — снова прозвучал этот чуть приказной тон, и мы вышли из комнаты, которая за эти несколько часов успела стать для меня чем-то вроде тихого островка безопасности. Теперь же я чувствую себя так, будто добровольно прыгнула в океан, кишащий голодными акулами.

Дворец и правда поражает воображение. Огромные гобелены на стенах, контрастируют с белыми коврами и тёмными резными дверями из старого дерева. Золотые лампы мягко сияют, а повсюду стоят живые цветы, наполняя воздух тонким, едва уловимым ароматом.

— А как… включаются эти лампы? — не удержалась я от вопроса, оглядываясь на один из светильников. Электричества тут явно нет.

— Включаются?

— Ну да. То есть… как они вообще горят?

— С помощью магии света, конечно же.

На лице служанки было ясно написано: «Что за глупая особа оказалась во дворце? И почему я должна тратить на неё своё время?»

— Понятно… — протянула я, стараясь не выдать своей неловкости.

«Как только увижу Исыль, обязательно расспрошу её обо всём подробно», — пообещала я себе. У этой же девушки спрашивать больше ничего не хочется, она и так смотрит на меня как на полную идиотку.

— И куда мы идём? — задаю глупый вопрос, лишь бы сменить тему.

— Вас ждут на южной мансарде. Сегодня прекрасное солнечное утро, и Её Светлость решила, что будет лучше позавтракать на свежем воздухе.

— А вы, получается, прислуживаете леди Элен… то есть Её Светлости леди Элен?

— Да, именно так, — с гордостью отвечает девушка. Что ж, подругами мы точно не станем.

Мы спускаемся по широкой каменной лестнице, и я не могу перестать разглядывать убранство этого дворца. Всё такое… сказочное… невероятное… Над лестницей нависает сводчатый потолок, расписанный сценами из волшебных сказок и легенд: крылатые кони несут по небу корону, а внизу, среди лесов и гор, идут процессии в белых одеждах. Каж-

дая ступенька отполирована до зеркального блеска.

— Ваше Высочество! — голос служанки возвращает меня из мыслей, и я чуть не падаю вниз, запнувшись о подол платья.

Проскочив несколько ступенек вниз, я сталкиваюсь с очень красивым парнем. Высокий, стройный, статный, в королевской одежде из дорогой белой ткани, расшитой золотой нитью. Его длинные пшеничного цвета волосы убраны назад — в точности как и мои. А эти необычайно красивые серо-голубые глаза… Мамочки, да в них можно навечно потеряться. Пухлые губы парня вытягиваются в самую красивую и милую на свете улыбку, обнажая белоснежные ровные зубы. Я даже забываю, как дышать. Я в жизни не видела таких красавчиков! Нигде и никогда!

Определённо, это принц! Да сто процентов — это принц! Интересно, какой из трёх?

— Вы не ушиблись? — его нежный, тёплый голос вызывает что-то трепещущее в моей груди.

— Я? Нет. Простите, — стыдливо опускаю глаза вниз, делая вид, что поправляю платье. — Я засмотрелась на картины и…

— Да, этот дворец действительно часто поражает всех своей красотой, — без тени надменности и превосходства отвечает он, и мои глаза снова тянутся к его лицу.

— Вас это, кажется, уже не смущает.

Боже, что я несу! Дура! Конечно же, его это не смущает,

он же принц, мать его!

— Совсем нет. Я родился здесь и вырос. Все эти стены давно стали для меня основой жизни.

— Ваше Высочество, — встревает служанка, и у меня большое желание столкнуть её с этой лестницы вперёд, чтобы она не мешала нашему разговору. — Миледи ждёт Её Светлость Элен…

— Что ж, тогда не буду вас задерживать. Матушка не любит, когда опаздывают.

Матушка… Так это самый старший принц. До чего же он хорош.

— Надеюсь, что ещё увидимся, миледи, — с вежливой улыбкой прощается принц и, обойдя меня, поднимается вверх по ступеням.

«Мори! Меня зовут Мори!» — хочу крикнуть я, но язык прилипает к нёбу, и я глубоко дышу, наслаждаясь запахом роз, которым веет от принца.

— Миледи, — зовёт меня служанка, и я ставлю себе на заметку: точно когда-нибудь спихну её с лестницы, если она ещё раз обратится ко мне с таким высокомерным тоном.

Нижний этаж почти ничем не отличается от верхнего, если не считать других картин и ваз с цветами. Служанка ведёт меня дальше по коридору, пока мы не выходим на огромный просторный балкон. Он выложен белоснежным мрамором. По краям балкона тянутся изящные колонны, обвитые золотыми лентами. Между колонн висят лёгкие шёлковые полу-

прозрачные драпировки, и они тихо шелестят на ветру. Балюстрада украшена тонкой резьбой — в узорах угадываются листья, птицы и звёзды.

С балкона открывается просто невероятный вид на реку и луга. Вода отражает небо так точно, что линия горизонта теряется, и кажется, будто река и небо — это одно целое. По берегам тянутся луга, усыпанные цветами: там, где солнце падает прямо, лепестки вспыхивают, как крошечные огоньки. Дальше, за изгибом реки, начинаются леса — тёмные, густые, с редкими просветами. А на горизонте, там, где небо сливается с землёй, виднеются очертания гор.

С балкона в разные стороны вниз ведут две небольшие винтовые лестницы — узкие, изящные, с перилами, закрученными в спирали. Я следую за служанкой вправо. Спустившись, мы оказываемся на таком же балконе, но менее богато украшенном и более вытянутом. Тут нет золотых лент и шёлковых драпировок, но есть ощущение простора. С этого балкона уже не видно того прекрасного пейзажа с рекой и лугами, зато можно заметить огромную мансарду, утопающую в живых цветах. Вьющиеся растения оплетают опоры, свисают зелёными волнами, а между ними мелькают яркие пятна — розы, гортензии, хризантемы. Здесь расставлены десятки столиков с посудой: чашки из полупрозрачного фарфора, золотые ложечки и хрустальные бокалы.

За самым большим столиком сидит красивая женщина в королевски-идеальном платье из нежно-розовой ткани, рас-

шитой золотой нитью. Светлые волосы женщины собраны в высокую причёску. На шее в лучах солнца блестит дорогое колье.

А вот и леди Элен. Так, Мори, не забывай про вежливость. Если эта дамочка — та ещё сучка, то не наживи себе врага в её лице.

— Ваша Светлость, — служанка делает низкий реверанс с глубоким поклоном перед этой красивой леди. — Я привела к вам миледи…

— Мори, Ваша Светлость, — следуя примеру служанки, я тоже делаю реверанс, но не такой низкий и изящный.

Так, пора вспоминать все фильмы и мультики про принцесс. Что они там делали? К сожалению, мне больше нравилось смотреть «Мулан» и «Покахонтас», чем «Золушку», «Белоснежку» и про других принцесс-неженок, которые только и ждут, когда их спасёт принц. Но раз уж я сама оказалась в их шкуре, то не помешало бы засунуть свой саркастический язык куда подальше и быть идеальной принцессой. Чтоб вас!

— Большое спасибо, что разрешили мне переночевать здесь, — я стараюсь мило улыбнуться, но не слишком наигранно. — Дворец невероятно красивый, я в жизни не видела ничего подобного.

— Наш лекарь сказал, что у тебя проблемы с памятью? — так, а эта леди сразу хватает быка за рога. Не смотрите на то, что она такая вся изящная — она та ещё стерва, и служанок

подбирает таких же.

Дерьмо! Если я скажу, что не потеряла память, то лишусь всех предоставленных мне благ, а если я совру, то буду самой большой обманщицей в этом королевстве. Но что плохого будет от моей лжи? Я же никого, собственно, не убила, ничего не украла… Я… я просто хочу вернуться домой.

А ещё я боюсь, что уже не вернусь домой, потому что я… Так, мы не думаем об этом, Мори! Не думаем!

— К сожалению, я не помню, что случилось после того, как начался шторм, — поздравляю, Мори, ты выбрала путь лжи и обмана. — Я очнулась в доме пожилой пары, которые ухаживали за мной, а потом…

— Да-да-да, Фредерик подробно доложил мне обо всём, — демонстративно прерывает меня леди Элен. — Но не скажешь, откуда ты?

— Я? — вот же зараза! Давай соображай, Мори. — Ну… я… Меня зовут Мори Рейн Дэвис. Я из маленького королевства Нью-Йорк…

— Нью-Йорк? — опять прерывает меня Её заносчивая Светлость. — Я никогда не слышала о таком.

— Ну… оно далеко за океаном, и оно совсем небольшое. Так… всего несколько тысяч жителей…

— И ты направлялась сюда? — серые глаза этой женщины сканируют меня не хуже самого навороченного МРТ.

— Наверное, да. Не помню, если честно.

— А твоя семья? Она же ищет тебя?

— Да, я уверена, что ищет! И я бы очень хотела вернуться домой, но не знаю как.

— Ну что ж, — леди Элен указывает рукой на соседний стул. — Лекарь сказал, что этой ночью у тебя был сильный жар и что ты могла умереть, но, спасибо Телессе, она уберегла тебя от этого. Поэтому ты можешь остаться здесь сколько хочешь, и я с радостью помогу тебе разыскать твою семью.

За этой милой дружелюбной улыбкой притаилось что-то холодное и скользкое. Ох, Исыль, спасибо тебе большое за предупреждение об этой женщине!

— Благодарю вас, Ваша Светлость.

— Ох, можешь просто называть меня Элен! — отмахивается фаворитка короля, и я не могу не заметить, как служанка недовольно поджимает губы. — В этом дворце давно не было новых гостей, и я рада, что мне теперь есть с кем поговорить.

— Благодарю вас, но позвольте мне хотя бы обращаться к вам «леди Элен». Всё же, как я слышала, вы первая фаворитка Его Величества, и с моей стороны было бы совсем бестактно обращаться к вам просто по имени.

— Ммм, а у тебя хорошие манеры, Мори Рейн Дэвис.

— Пожалуйста, просто Мори. В моём ми… королевстве все зовут меня именно так.

— Мори… — задумчиво произносит леди Элен. — Очень странный выбор имени для такой прелестной девушки.

— Это имя дала мне моя мама…

— Твоя мама — бесстрашная женщина, Мори, раз она дала своему ребёнку имя, сродное с именем бога смерти.

Чёрт! И что мне на это ответить? Почем мне знать, как зовут их богов и почему они так боятся называть детей в честь них!

— К счастью, я просто Мори, — улыбаюсь я, ёрзая на стуле.

— К счастью… Что ж! Давай завтракать! Диана, — обращается леди Элен к служанке, — передай, что мы готовы к трапезе.

— Да, Ваша Светлость.

Служанка испаряется, и через пару минут нам выносят блюда на золотых подносах.

На столе появляется фарфоровая тарелка с яйцами пашот. Рядом — тонкие ломтики поджаренного хлеба с золотистой корочкой, на которых лежит масло, тающее от их тепла. Тут же — маленькая корзинка с булочками: пышными, румяными, с хрустящей корочкой и мягкой, почти воздушной серединой. Одна из булочек украшена завитком из сахарной глазури, а другая — крошечными засахаренными лепестками роз.

Чуть дальше — три вида каши в изящных керамических горшочках: сливочная овсянка с корицей и мёдом, густая пшённая каша с кусочками запечённой тыквы и тонкими нитями карамели, а также рисовая каша с ванилью и щепоткой пряной соли. Рядом с горшочками стоят маленькие стеклян-

ные баночки с топлёными сливками, густым ягодным вареньем и тягучим мёдом из горных цветов.

Ещё на столе стоит хрустальная креманка с йогуртом. Йогурт украшен россыпью сушёных ягод, тонкими ломтиками миндаля и каплями сиропа. Рядом с йогуртом блюдо с фруктами: крупные ягоды ежевики и малины, ломтики сочного персика, половинки инжира и тонкие дольки цитрусов.

И, наконец, в центре стола золотой кофейник с горячим напитком, который здесь подают вместо кофе: пряный отвар из трав и сушёных фруктов с лёгким медовым оттенком и щепоткой специй, согревающий с первого глотка.

Кажется, я внимательно слушала служанку, пока она перечисляла названия блюд и их состав и ничего не упустила.

У меня глаза разбегаются от такого изобилия, а слюна готова прорваться сквозь зубы и губы и потечь вниз по моему подбородку. Но я заставляю себя сидеть ровно и не наброситься на еду, чтобы не показать, как сильно я голодна. Я смотрю на леди Элен, ожидая её знака. Она берёт золотую ложечку, слегка касается ею края чашки и едва заметно кивает мне:

— Приятного аппетита, Мори. Не стоит позволять еде остывать.

Я беру одну из булочек, и пальцы тут же становятся липкими от глазури. Отламываю кусочек и кладу в рот. Хрустящая корочка сменяется мягкой, тёплой серединой..

Леди Элен наблюдает за мной с лёгкой полуулыбкой. Я

вижу, что она изучает меня, пытаясь понять, кто я такая на самом деле и из чего я сделана.

Я ем молча, чувствуя на себе пристальный взгляд главной фаворитки короля. Интересно, как выглядит сам король? Наверняка он тоже красив — иначе откуда у его сына такая притягательная внешность? Леди Элен прекрасна, но по-своему: у неё вытянутое лицо, тонкие губы, а маленькие морщинки вокруг глаз не старят её, а, напротив, придают облику благородный вид. На голове — ни единого седого волоска, хотя, предполагаю, что ей уже далеко за сорок. Генетика? Вряд ли тут знают про окрашивание волос.

Гордая осанка, изящные манеры — она родилась с серебряной ложкой во рту, ну или золотой, судя по количеству золота в этом дворце. Каждое её движение отточено до совершенства: как она держит вилку и ложку, как пьёт из хрустального бокала, как, едва касаясь, вытирает уголки губ салфеткой.

И, конечно, она видит меня насквозь. Понимает, что я далеко не королевской крови. Да, я умею пользоваться вилкой и ножом, не тяну еду руками, но всё равно… Я не такая, как она.

— Не хочешь ли сегодня прогуляться по территории дворца? — внезапно нарушает молчание леди Элен, глядя на меня чуть мягче, чем раньше. — Если ты, конечно, хорошо себя чувствуешь.

— Да, я бы с радостью, — отвечаю я, как раз покончив с

десертом. В груди шевельнулось что-то похожее на облегчение — прогулка означает, что меня не собираются продолжать допрашивать прямо здесь, за столом.

— Прекрасно, — произносит Элен, и стоит ей едва заметно кивнуть, как слуги тут же принимаются убирать посуду, оставив на столе лишь свежие булочки и фрукты.

— Думаю, к тебе нужно прислать служанку, чтобы она помогала тебе во всём, — продолжила она.

— Ох, спасибо, Ваша Светлость… Признаться, в моём королевстве у меня не было личной служанки.

— Правда? — брови леди Элен удивлённо взлетают вверх. — И как же ты справляешься?

— Ну, своими силами… И… — пора было снова начинать врать. — Конечно, в моём доме… дворце есть прислуга, и она помогает с уборкой, готовкой, стиркой, нашим садом.

— И сколько же у вас прислуги?

— Совсем немного, но и дворец не такой огромный, как этот.

Всего-то небольшой двухэтажный дом: три спальни, кухня, гостиная, чердак, подвал, две ванные на втором этаже и одна на первом. Да, я и мама прекрасно справляемся с уборкой в доме. Но, думаю, леди Элен не понравится, если я представлю свой дом, то есть дворец, в таких масштабах. Лучше бы вообще сменить тему.

— Я приехала в Ауреваллум, когда мне едва исполнилось шестнадцать. Признаюсь, меня тоже впечатлили его просто-

ры и убранство. Через полтора года родились мои дети, и вот я уже живу здесь целых двадцать семь лет, почти двадцать восемь. Но я до сих пор порой замираю, поражаясь этой красоте, будто вижу её впервые.

Её взгляд на мгновение устремился куда-то вдаль, словно она смотрела не на стены дворца, а на воспоминания, спрятанные за ними. А потом она снова стала той самой леди Элен — собранной, грациозной, безупречной.

— Так вот, насчёт служанки… Думаю, может быть, Элоиза…

— Не могли бы вы оставить со мной Исыль? — выпалила я, прежде чем успела себя остановить.

— Исыль?

— Мы с ней нашли общий язык, и… Я была бы рада, если бы она продолжала прислуживать мне.

«Прислуживать мне» — какое унизительное выражение.

— Ну что ж, Исыль так Исыль, — после короткой паузы произносит леди Элен. — Правда, она не то чтобы прислуживает лично фавориткам Его Величества, и, боюсь, у неё не так много опыта в этом… Но раз в твоём королевстве это... обыденно, то, может, так даже и лучше. Не переживай, Мори, я распоряжусь, чтобы она переехала в твои покои сегодня же.

Мои покои? Мы что, будем жить в одной комнате?

— Благодарю вас, леди Элен, — выдыхаю я с облегчением, краем глаза заметив кривую ухмылку Дианы.

— Тогда предлагаю прогуляться, пока солнце ещё не начало припекать, — решительно заявляет леди Элен, поднимаясь из-за стола. — Диана, принеси мне и Мори накидки. Боюсь, наша прогулка всё же затянется, и не хотелось бы обгореть на солнце.

— Да, Ваша Светлость, — с поклоном ответила Диана и тут же исчезла, чтобы через пару минут вернуться с двумя лёгкими шёлковыми накидками с капюшонами. Обе были из белоснежной ткани.

Диана помогла леди Элен надеть накидку, а я быстро накинула свою сама.

— Предлагаю начать с королевского сада. В это время наши розы как раз распускаются, и мы сможем увидеть их во всей красе. — Она сделала знак слуге, и тот тут же склонился в поклоне. — Позовите кто-нибудь Исыль — она как раз должна быть в саду. Передайте ей, что с этого часа она прислуживает леди Мори!

Мы идем по саду, и с каждым шагом дыхание у меня перехватывает всё сильнее. Розы здесь не просто цветы, посаженные в землю для вида, а настоящие живые украшения дворца. Алые, бордовые, и рядом нежные, как рассвет, розовые и жемчужно-белые. Но больше всего меня поражают королевские фонтаны — огромные, из белого камня. Струи воды переливаются на солнце, рассыпаясь мириадами крошечных радуг, и падают в широкие чаши, где на дне мерцают тонкие золотые прожилки.

— Они зачарованы, — объясняет леди Элен, заметив, как я застыла перед одним из фонтанов, не в силах отвести взгляд. — Эти фонтаны поддерживают микроклимат сада, чтобы розы никогда не увядали. Даже зимой они цветут.

Я кивнула и заметила Исыль. Она стоит у края дорожки, чуть в стороне от тропинки. Когда наши взгляды встретились, она едва заметно улыбнулась.

— Исыль! — позвала девушку леди Элен мягким, но властным голосом. — Иди сюда. С этого часа ты прислуживаешь леди Мори. Постарайся, чтобы она не чувствовала себя здесь... чужой.

Исыль склонила голову в почтительном поклоне.

— Как прикажете, Ваша Светлость.

Леди Элен чуть приподняла бровь, будто хотела что-то возразить, но лишь вздохнула и повела нас дальше. Мы прошли мимо живой изгороди, чьи ветви сплетались в узоры, напоминавшие древние руны, и вскоре сад начал редеть. Деревья становились выше, их кроны смыкались над головой, а воздух стал свежее и прохладнее.

Мы подошли к большому зданию из белого камня, украшенному резьбой: на стенах извивались силуэты лошадей. Рядом, у открытых ворот, стояли несколько всадников в белых ливреях, а из глубины доносилось мягкое ржание и стук копыт. За зданием сразу начинался лес.

— Здесь держат лучших скакунов королевства, — леди Элен остановилась у ворот. — Иногда я прихожу сюда про-

сто посмотреть на них.

Лошади… Я замерла у ворот конюшни, и на меня накатила странная, почти детская радость — такая, что даже пальцы закололо. Я даже не помню, когда в последний раз видела настоящую лошадь. Кажется, это было на городском празднике, тогда я ещё была подростком. Волнение и предвкушение охватили меня сразу, горячей волной прокатились от груди к кончикам пальцев. Хотелось подойти ближе, протянуть руку, почувствовать под ладонью тёплую, живую шерсть, вдохнуть этот запах, который почему-то вдруг показался мне таким знакомым и близким.

Мы двинулись вглубь конюшни. Внутри не было той нарочитой роскоши, что царила в саду: только камень и дерево. Белоснежный конь замер в стойле прямо перед нами. Его шерсть сияла, словно снег, а грива напоминала шёлковые ленты.

— Он прекрасен, — прошептала я, не в силах сдержать восхищения.

Леди Элен слегка улыбнулась.

— Да, в нём нет ярости восточного жеребца из королевства эльфов. Есть грация и верность. Именно это нужно Люциусу.

Я утвердительно ки внула, не отрывая взгляда от животного. Конь, в свою очередь, повернул голову и взглянул на нас с невозмутимостью.

Леди Элен сделала знак конюху, и тот почтительно скло-

нил голову.

— Пусть приведут его на площадку перед конюшней. Хочу посмотреть, как он пойдёт под седлом.

В конюшне насчитывалось больше дюжины стойл и все пустовали. При этом место вовсе не казалось заброшенным: тут явно убирались каждый день. Не могу отрицать и того, что королевских лошадей здесь точно не обижают. Скорее всего, им живется куда лучше, чем подданным короля.

Пока слуги готовили коня, мы вышли на свежий воздух. Солнце уже поднялось выше, и тени от деревьев стали короче и гуще. Именно тогда, у самой границы леса, я заметила тень. Нет, силуэт, заставивший мое сердце забиться очень быстро.

Только что из конюшни вывели белоснежного коня. Его грива всколыхнулась, и солнечные лучи, рассыпавшись по густой шерсти, заиграли, как тысячи мельчайших искорок. Я едва сдерживала восторг: в нём было нечто волшебное, словно он явился прямиком из сказки. Однако, как бы ни завораживал конь, мой взгляд то и дело возвращался к границе леса. Я пристально всматривалась, пытаясь уловить хотя бы малейшую деталь: лицо, изгиб плеча, намёк на движение.

И вдруг фигура шагнула из тени на освещённое пространство — достаточно далеко, чтобы не сливаться с темнотой, но и достаточно близко, чтобы ясно различить человека.

Исыль, проследив за моим взглядом, шёпотом произнесла:

— Это Ксандер. Королевский лесничий.

Даже с такого расстояния невозможно было не заметить его высокий рост — в нём чувствовалась редкая гармония пропорций: длинные ноги и широкие, сильные плечи словно были созданы для седла и сражений. Чёрные глаза — глубокие, почти непроницаемые. Волосы — тёмные, как вороное крыло, — небрежно спадают на лоб, будто он только что провёл по ним рукой, раздражённо отгоняя упрямую прядь.

Простая чёрная рубашка идеально сидит на его мускулистом теле, подчёркивая каждый напряжённый контур, а чёрные кожаные брюки для верховой езды добавляют образу жёсткой, уверенной силы. Он напоминает тех самых «горячих плохих парней» из романтических фильмов.

Этот сплошной чёрный цвет так резко контрастирует с привычной здесь светлой палитрой нарядов королевской знати и придворных. Будто он выбрал этот цвет нарочно, словно бросая молчаливый вызов здешним правилам. И в этом вызове читается что-то упрямое, дерзкое… и отчего-то невероятно будоражащее.

— Он сирота из северо-западных земель. Король пожалел его и разрешил жить при дворце. Если мне не изменяет память, то его первое имя — Александр, но Его Величество приказал всем называть его Ксандер.

— Почему?

— Когда Ксандера привели во дворец, в это же время фаворитка Его Величества скончалась при родах, а через

несколько часов умер и их сын, которого назвали Александр. Его Величество очень сильно скорбел и не захотел, чтобы младенца, чьи родители были связаны с королевством Абиссум, звали так же, как и его сына.

Я кивнула, не отрывая от него пристального взгляда. Лесничий посмотрел на всех и слегка наклонил голову в сдержанном приветствии. Потом его глаза задержались на белоснежном коне, и по лицу скользнула едва уловимая тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.